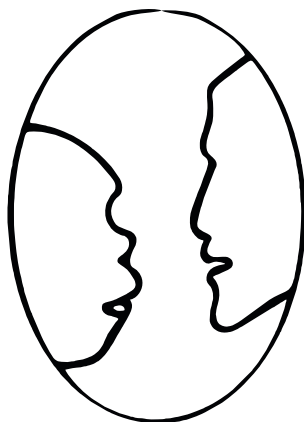

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Челябинский государственный университет»

А. А. Тараданов

**ЛОГИКА СОЦИАЛЬНОГО.
Опыт теоретической реконструкции
антропосоциогенеза**

Челябинск
Издательство Челябинского государственного университета
2018

УДК 100
ББК Ю52
Т 190

*Памяти выдающегося исследователя,
учителя и философа Владимира Ильича Плотникова*

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Челябинского государственного университета

Рецензенты:

Е. В. Бакеева, доктор философских наук, профессор;
В. О. Лобовиков, доктор философских наук, профессор;
В. В. Скоробогачкий, доктор философских наук, профессор

Тараданов, А. А.
Т 190 Логика социального. Опыт теоретической реконструкции антропо-социогенеза / А. А. Тараданов. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2018. 132 с.

ISBN 978-5-7271-1517-6

На основе и в развитие исследований профессора В. И. Плотникова (1929—2017) генетическим методом теоретической реконструкции сформулирована логика антропосоциогенеза (закономерного естественно-исторического происхождения общества и человека). В единстве исторического и логического определены понятия «социальное», «общество», «труд», «личность», «идеал», «дух», «добро и зло», «бог», «миф», «религия», «норма», «ценность», «нравственность», «мода», «культура», «хозяйство», «семья» и другие.

Адресовано всем интересующимся проблемой логики понятий социальной философии и теоретической социологии, преподавателям и студентам, обучающимся по направлениям социально-гуманитарного профиля.

УДК 100.4
ББК 523.1

ISBN 978-5-7271-1517-6

© Челябинский государственный
университет, 2018
© Тараданов А. А., 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
Введение. Семь парадоксов антропосоциогенеза, или «Масло — это то, что масляное»	7
1. Основные результаты исследования В. И. Плотникова «Социально-биологическая проблема».....	16
1.1. Формулировка проблемы	16
1.2. Сообщество и общество: сходство и различие.....	20
1.3. Орудийная деятельность как биологическое явление.....	25
1.4. Основные трудности понимания взаимосвязи социального и биологического в психике человека.....	30
1.5. Орудийная деятельность животных и интеллект	34
1.6. Стереотипность и интеллектуальность деятельности	38
1.7. Значение слова	43
1.8. Содержание проблемы «перехода» биологического в социальное.....	45
1.9. Понятие элементарной социальной связи	47
1.10. Противоречия в дискуссии о происхождении речи.....	48
1.11. Лидирование как новый тип регуляции стадной жизни	50
1.12. Становление свободы выбора брачного партнера. Табу.....	53
2. Становление социального у гоминид.....	54
2.1. Структура социального	54
2.2. Технология социального у гоминид.....	58
2.3. Становление устойчивого сообщества гоминид	62
2.4. Первое деление социального сообщества гоминид: основания и последствия	64

2.5. Начало и основание любви.....	67
2.6. Разрешение парадоксов.....	69
3. Понятие общества.....	73
3.1. Общество как социальное.....	73
3.2. Становление и разделение труда.....	75
3.3. Логика сознания и духа.....	78
3.4. Логика религии и культуры.....	81
3.5. Логика семьи.....	83
3.6. Логика хозяйства.....	98
4. Краткий курс генетической методологии.....	103
4.1. Решение проблемы «начала» в «Логике» Г. В. Ф. Гегеля.....	104
4.2. Логика «товарного начала» в «Капитале» К. Маркса.....	106
4.3. Логика метода теоретической реконструкции В. И. Плотникова.....	111
4.4. «Антилогика» «ускорения расширения Вселенной».....	114
Заключение.....	120
Словарь основных понятий и терминов.....	121
Библиографический список.....	126

ПРЕДИСЛОВИЕ

Понять — значит выразить в понятиях.

Г. В. Ф. Гегель

По свидетельству очевидцев, дискуссия на защите докторской диссертации В. И. Плотникова «Соотношение социального и биологического как философская проблема» (Свердловск, 1980) продолжалась *семь часов...*

Прошло почти 40 лет. Не стало В. И. Плотникова (1929—2017). В науке о древнем человеке и обществе сделаны многочисленные новые археологические, антропологические и этнографические открытия и находки; получены новые данные о поведении животных; в условиях глобальной информатизации на несколько порядков повысились возможности сбора, анализа, обработки и передачи информации и научного общения...

Становление в России нового общественного устройства сняло множественные запреты научных коммуникаций, а снятие с российских обществоведов многих идеологических пут повысило качество и содержательность научных дискуссий...

Однако в понимании того, откуда взялось *общество* и что такое *человек*, мало что изменилось. Авторитетные источники друг за другом повторяют:

«Человек <...> возник на Земле в результате эволюционного процесса — антропогенеза, многие этапы которого неясны [8, с. 1343].

«О причинах, определивших становление собственно человека, можно высказывать только предположения» [106, с. 510].

Значит, «дело было не в бобине...».

Исследование В. И. Плотникова до сих пор остается уникальным явлением в теории антропосоциогенеза и *единственным*

А. А. Тараданов

показавшим дорогу корректного разрешения социально-биологической проблемы «происхождения человека от обезьяны и общества из неизвестно чего» (Б. Поршневу) [79, с. 34].

Вооруженные его идеями и опираясь на его достижения, мы решились пройти некоторый путь в указанном им направлении. Что из этого получилось — судить читателю.

ВВЕДЕНИЕ.

Семь парадоксов антропосоциогенеза, или «Масло — это то, что масляное»

Известное — не значит познанное.

Г. В. Ф. Гегель

Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натывать» на эти вопросы.

В. И. Ленин [45, с. 368]

Дилемма «с одной стороны, <...> общество и его законы нельзя вывести из биологической природы в силу их качественного своеобразия, <...> с другой — <...> общество и его законы не могли возникнуть ниоткуда, кроме живой материи и её основных законов» [76, с. 9] имеет в обществензнании давнюю историю и хорошо известна специалистам. Однако им же не менее хорошо известна и история безуспешных попыток разрешения данной дилеммы, которые мало того, что сами противоречили друг другу в своих результатах и выводах, так еще и заканчивались еще большим запутыванием проблемы за счет представления новых *научных* данных, также *противоречащих друг другу* [75, с. 33].

Сегодня эта тема наполнена многочисленными мнениями, рассуждениями, убеждениями, «эзотерическими» версиями¹; ряд ученых вообще «считают её ложно сформулированной проблемой» [76, с. 5].

¹ См., напр., Мулдашев Э. Р. От кого мы произошли. М. :читающий человек», 2016 или тематические программы телеканала Ren-TV.

Причинами такого положения дел в этой области общественно-научных исследований являются следующие ее парадоксы.

1. *Парадокс матриархата*. За 150 лет со времен И. Я. Бахофена [4] и Л. Г. Моргана [65] история и этнография обнаружили следы матриархата («гинекократии», «женовластия») во всех исследованных родовых общинах. В результате специалистами-историками древнего общества и этнографами обоснованно и убедительно полагается, что на заре человечества и миллионы лет его первобытной истории общество существовало и развивалось как матриархат. Убедительных данных для иных выводов нет.

Однако с «той стороны границы» перехода от биологического существования обезьян к социальному бытию людей мы имеем или жесткую иерархию гарема, где главенствует доминирующий самец, или сообщества разной степени устойчивости (стада, брачные пары, кровнородственные группы родителей с потомством) — но *доминирует всегда самый сильный самец*.

Вопрос: если закон естественного отбора абсолютен для эволюционных процессов в природе Земли (а для иных выводов научных оснований нет), то как и почему силовое доминирование самца вдруг сменилось матриархатом? Что там произошло?

2. *Парадокс экзогамии («Кавказская пленница»)*. История и этнография отмечают древнейшим социальным запретом (табу) запрет на спаривание внутри родовой общины. Спаривание разрешается только с партнером-представителем *другого* рода: нарушитель(ница) подвергается жесточайшему наказанию [103, с. 9—10].

Однако с «той» стороны границы перехода от биологического к социальному мы имеем все тот же *естественный отбор*, где доминирующий самец спаривается с любой доступной ему самкой.

Вопрос: кто и как мог запретить доминирующему самцу спариваться с любым доступным ему «женским» окружением и заставить его искать партнерш «на стороне»? Этнографы практически перестали заниматься этой проблемой, поскольку давно пришли к выводу, что «не только не существует какой-либо единой, общепринятой точки зрения на происхождение экзогамных делений, но нет надежды, что таковая будет когда-либо достигнута» [39, с. 56].

3. *Парадокс ритуала.* История и этнография однозначно утверждают ужесточение влияния ритуала на жизнь древнего человека: чем менее развито общество, чем дальше «в глубь времен» — тем чаще и жестче ритуалы [34].

Отсюда специалисты обоснованно полагают, что на заре первобытности ритуалы были всеобщие и абсолютны для соблюдения всеми членами рода [2]: для другого вывода научных оснований нет.

Между тем, действительный ритуал (не обряды, обычаи и традиции и не экзотические шоу, которые устраивают для туристов аборигены, а *действительный ритуал*) — это совместный групповой транс (психоз, истерика), в который первым(ой) «включается» шаман(ка), затем «подключаются» все члены родовой организации и в завершение которого все его участники падают без сил; часто с телесными повреждениями, которые они нанесли себе или друг другу в этом истерическом экстазе. *Действительный* ритуал не прекращается по команде по истечении некоего определенного времени или по завершении определенного набора процедур, а затихает по причине психического и физического изнеможения всех его участников [2].

Но это означает, что все участвующие постоянно «подставляются», теряют способность противостоять угрозам внешней среды. В условиях естественного отбора это однозначно приводит к гибели животного или вытеснению его конкурентами из среды благоприятных условий существования.

Вопрос: тогда почему ритуалы не убили первобытных людей и как подняли человека на вершину «пищевой цепочки»? Или это сделали не они? Тогда что? Других механизмов или их следов современной науке не известно...

4. *Парадокс речи.* Человек разговаривает *на выдохе*, а все вышшие животные (и человекообразные обезьяны в том числе) «звучат» *на вдохе* [100, с. 52; а также 12; 13, с. 200—261].

Вопрос: если человек произошел от обезьяны естественным образом, то почему он стал «звучать» на выдохе, а не на вдохе, как его предки?

5. *Парадокс понятия.* «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...» [33]. Социализация человека ос-

нована на вербальном общении и социальном наследовании, на передаче знаний, умений, навыков — вообще культуры — последующим поколениям сначала через научение *словам*. Слово же всякое есть *обобщение*, нечто *всеобщее*, представляющее одинаковое значение для всех членов общества, *понимаемое* всеми (*понятное* всем).

Однако у обезьян нет слов (обобщений и понятий).

Вопрос: откуда слова (понятия) появились в сознании человека, если их нет у обезьян в природе? Или «каким образом материя мозга производит субъективное явление?» (Павлов) [72, с. 247].

6. *Парадокс первобытного стада*. Учебники и специалисты по истории Древнего мира почти в один голос утверждают, что первой *устойчивой* формой объединения первобытных людей было первобытное стадо размером в несколько десятков (по разным источникам от 20 до 50) особей [92, с. 80—110; 74, с. 64—74].

Однако с «той стороны границы» перехода от биологического существования обезьян к социальному бытию людей мы имеем в качестве *устойчивой* лишь гаремную жестко иерархичную группу размером максимум до 15 особей¹, устойчивость которой обеспечивает доминирующий самец [101, с. 141]. Все остальные сообщества человекообразных обезьян (стада, брачные пары, кровнородственные группы родителей с потомством [17, с. 198—199] имеют временную и неустойчивую организацию и распадаются: стада — на брачные пары на время спаривания; брачные пары — на одиночек после спаривания; кровнородственные группы родителей с потомством — на одиночек после полового созревания детенышей, которые затем снова организуются либо в гаремы, либо в брачные пары, либо в кровнородственные группы [102, с. 17—18; 40]. «Пример большей или меньшей текучести стадных форм жизни представляют человекообразные обезьяны» [116, с. 272—290]; «у животных семья — не источник общественности, а ее антагонист: когда идет жизнь стад — семья отсутствует, когда начинает складываться семейная жизнь — стадная жизнь ликвидируется»

¹ Д. Гудолл, В. Рейнольдс, Д. Де Вор и К. Р. Л. Холл, Дж. Шаллер и др. Цит по: Плотников В. И. Социально-биологическая проблема (материалы спецкурса). Свердловск, 1975. 192 с. С. 139.

[14]; «общественная форма — это наиболее изменчивый и наименее постоянный элемент в жизни вида» [50, с. 41]; «Данные современной этологии недвусмысленно свидетельствуют, что никаких иных регулирующих механизмов устойчивой стадной жизни, кроме системы доминирования (включая сюда иерархию и вожачество), не существует» [75, с. 120].

Отсюда и вопрос: каким образом возможно *устойчивое* первобытное стадо размером от 20 до 50 особей, да еще и с матриархатом? Или как *неустойчивые* сообщества обезьян стали *устойчивыми* первобытными стадами людей? Что было основанием *устойчивости*?

7. *Парадокс энергопотребления.* «В среднем живая система млекопитающего (при расчете на 1 кг веса тела) потребляет 165 000 ккал. В отличие от остальных млекопитающих, на каждый килограмм веса человека в течение жизни во взрослом состоянии потребляется в среднем 725 000 ккал, т. е. в 4,5 раза больше. Из этого количества энергии... на обновление массы... у человека затрачивается всего лишь 5 %, а остальные 95 % энергии перерабатываются на рабочие реакции и теплообмен. У млекопитающих на возобновление массы в среднем затрачивается 33—35 % количества энергии»¹.

Вопрос: что произошло в организме обезьяны, что он стал потреблять в 4,5 раза больше энергии на каждый килограмм веса? И на что это дополнительное энергопотребление расходовалось, если масса тела первобытных людей и их предков была одинакова? И почему — выражаясь техническими терминами — этот «скачок напряжения» не спровоцировал «короткое замыкание» в энергосистеме? И почему при таком возрастании потребности в калориях организм *гоминид* не умер от голода?

«Забывчивость» обществоведения в отношении указанных парадоксов *«по-человечески»* понять можно: не дать внятного ответа на эти вопросы — значит признать, что *социальное не понято*

¹ Данные М. Рейна приведены в кн.: А. Л. Ухтомский. Доминанта. М., 1966, а также в выступлении И. А. Аршавского на VII Международном конгрессе археологических и этнографических наук. Цит. по: Плотников В. И. Социально-биологическая проблема... С. 120

«в единстве процесса возникновения и становления» [76, с. 21], а сказать, что «оно “постепенно возникло”, — значит ничего не сказать, а увильнуть от прямого ответа» [79, с. 43]. Ведь от того, что нам *известно*, что при повышении температуры вода *постепенно* испаряется, нам все равно *непонятно, как и почему* происходит *превращение* одного качества (жидкости) в другое (газ, или снег, или град — при охлаждении в атмосфере); в вещество, имеющее *тот же* химический состав — но совершенно *другие* физические характеристики.

Но вот ведь беда: об этот нерешенный «общий вопрос» обществензнание «постоянно спотыкается при решении частных вопросов» (В. И. Ленин).

«Общество», «человек», «социализация», «сознание» — «и имя им легион» — широко известные и популярные понятия из области «социального», которые используются в теориях и концепциях исторического, социально-философского, этического, социологического, социально-психологического, политологического, правового, культурологического, педагогического знания и вообще всего общественствования. Казалось бы, такой массивированный интеллектуальный натиск давно уже должен был сформировать четкую систему определений данных понятий, полную и всеобъемлющую картину их координации и субординации...

Однако «в действительности все оказывается не так, как на самом деле»... Например, *социальное* один авторитетный источник определяет как «общественное, относящееся к жизни людей и их отношениям в обществе» [67, с. 739]; другой — как «название всего межчеловеческого, <...> того, что относится к обществу и общности» [106, с. 429]; третий вообще не берется за такое определение, хотя и приводит множество определений всяких *социальных* феноменов («социальной группы», «социальной гигиены», «социальной мобильности» и т. д.) [8, с. 1132], представляя их как *общественные* явления.

Итак, *социальное* — это «общественное», «связанное с общественством». Его («общество») те же авторитетные источники представляют как «совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей — исторически конкретный тип

социальной системы» [8, с. 828]; или как «совокупность людей, объединенных способом производства материальных благ на определенной ступени исторического развития», [67, с. 427]; или как «группу людей, создавшуюся благодаря целенаправленной и разумно организованной совместной деятельности» [106, с. 313].

Отсюда *общество* — это *что-то, состоящее из людей*, связанное с их совместной жизнедеятельностью как *социальной системой*. Научным понятием *людей* является понятие «человека». Его («человека») нам представляют как «общественное существо, обладающее разумом и сознанием» [8, с. 1343]; или как «живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда» [67, с. 731]; или как «высшую ступень живых организмов на Земле» [106, с. 313].

Итак, *человек* — это высшее живое *общественное* существо, обладающее *разумом и сознанием*, даром (кто же это ему преподнес этот дар? Бог — больше некому...) *мышления и речи*.

Разум — это «ум, способность, понимания и осмысления» [8, с. 993]; или «высшая ступень познавательной деятельности человека, способность логически и творчески мыслить; ум, интеллект» [67, с. 427]; или «ум; способность, деятельность человеческого духа» [106, с. 383].

Сознание — это «одно из основных понятий, обозначающее человеческую способность идеального воспроизведения действительности в мышлении. Сознание — высшая форма психического отражения, свойственная общественно развитому человеку и связанная с речью...» [8, с. 1132]; или «способность мыслить, рассуждать и определять своё отношение к действительности как свойство высшей нервной деятельности человека» [67, с. 731]; или «совокупность чувственных и умственных образов, знание» [106, с. 423].

Мышление — это «высшая ступень человеческого познания» [8, с. 1132]; или «способность человека рассуждать, представляющая собою процесс отражения объективной действительности в представлениях, суждениях, понятиях» [67, с. 358]; или «внутреннее, активное стремление овладеть своими собственными представлениями, понятиями, побуждениями чувств и воли, воспоминаниями, ожиданиями и т. д.» [106, с. 280].

Речь — это «один из видов коммуникативной деятельности человека — использование средств языка для общения» [8, с. 1015]; или «способность говорить, говорение» [67, с. 668]; «Философский энциклопедический...» [106] определение понятия речи не дает.

Язык — это «важнейшее средство человеческого общения, неразрывно связан с мышлением, является социальным средством хранения и передачи информации» [8, с. 1427]; или «система звуковых и словарно-грамматических средств, закрепляющих результаты работы мышления и являющихся орудием общения людей, обмена мыслями и взаимного понимания в обществе; речь, способность говорить» [67, с. 893]; или «наиболее объемлющее и наиболее дифференцированное средство выражения, которым владеет человек» [106, с. 554].

То есть разум, сознание, мышление и речь — это *человеческие* или *социальные* качества (свойства *людей*); а *люди* — это те, кто составляют *общество* своей совместной жизнедеятельностью; а общество — это *социальная* система; а *социальное* — это то, что связано с *обществом*... «Масло — это то, что масляное». *Круг замкнулся.*

Мало того, уже 150 лет существует обширнейший этологический дискурс, объединяемый темой ««социально-общественная» жизнь животных»¹, в котором «социальное-общественное» усматривается

¹ См., напр.: Perrier, «Les colonies animales» (Париж, 1881); Forel, Lubbock и Hubert — см. «Муравьи»; Grossi e Sandias, «Costituzione e sviluppo della Società dei Termiti» («Atti d. Acad. Gioenia», т. VI и VII); Weismann, «Die Almacht der Naturzüchtung» (Йена, 1893); Spencer, «The inadequacy of natural Selection» (1893). Обе брошюры переведены, но первая с сокращением, в приложениях к «Научному Обозрению» (1894). Ряд статей Emery (в «Biol. Centralblatt», 1893—94); Эспинас, «Социальная жизнь животных» (СПб., 1882). Н. Кареев, «Основные вопросы философии истории» (кн. III, гл. IV; по 3 изд., гл. XIV); Н. Вагнер, «О значении общественности в развитии животных организмов» («Труды IV съезда естествоиспытателей»); Мензбир, «Общественная жизнь животных» («Юридический Вестник», 1882, где и заметка об этой статье Кареева); Houssay, «Sociabilité et moral chez les animaux» («Rev. philosoph.», 1893); Posada, «Les sociétés animales et les sociétés humaines primitives» («An. de l'Inst. de sociologie», III). — Цит по: Социальная жизнь животных // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона.

в бесконечном множестве феноменов сосуществования и сообществования из мира животных, птиц, рыб, земноводных, насекомых, кишечнорастворимых, простейших, бактерий и т. д., где складываются свои «социальные» системы [121].

Популярный слоган «человек — это биосоциальное существо» «не решает проблему, а уклоняется от нее» (Б. Поршнева). Первым и пока единственным исследователем, показавшим возможность корректного разрешения парадоксов в теории антропосоциогенеза, дорогу к этому разрешению и тем самым возможность построения общей логики социального является свердловский философ Владимир Ильич Плотников.

1. ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В. И. ПЛОТНИКОВА «СОЦИАЛЬНО–БИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА»¹

*Поэзия — та же добыча радия:
В грамм добыча — в год труды.
Изводишь единого слова ради
Тысячи тонн словесной руды...*

В. Маяковский,
«Разговор с фининспектором о поэзии».

1.1. Формулировка проблемы

Антропология (наука о человеке) накопила гигантский материал об ископаемых антропоидах («обезьяночеловеках») переходного периода. Но о том, какая из ископаемых форм была «последним животным» и какая — «первым человеком», идут непрерывные споры, острота которых лишь усиливается с каждым новым научным открытием [75, с. 33].

Так, например, все согласны с тем, что человека от обезьяны отличают прямохождение, освобождение руки и больший объем головного мозга... В результате антропологических исследований обнаружилось, что австралопитеки (парантроп и плезиантроп) обладали

¹ Раздел I представляет собой конспективное изложение основного труда В. И. Плотникова по проблеме антропосоциогенеза: Плотников В. И. Социально-биологическая проблема (материалы спецкурса). Свердловск, 1975. 192 с. Ссылки на цитируемые источники представлены в оригинальном исполнении.

вполне сбалансированным прямохождением, столь же обычным и отработанным, как и у современных людей¹. Кисть австралопитековых, напротив, была еще не вполне развита, хотя тенденция к противопоставлению большого пальца уже очевидна. Но по объему мозга все австралопитековые, в том числе и хабилисы, неизмеримо ближе к крупным человекообразным обезьянам, чем к архантропам² [75, с. 33].

То есть по одному критерию (прямохождение) австралопитеки уже перешагнули границу между человеком и животными, по другому (кисть) — находятся на самой границе или даже перешли ее, по третьему (мозг) — еще очень далеки от границы. Так кто же такие австралопитеки — люди или животные? Понгиды или гоминиды? Прогрессирующая или тупиковая ветвь? [Там же, с. 33]

Долгое время значительная часть антропологов надеялась, что накопление морфологического материала постепенно заполнит все отсутствующие звенья между человеком и человекообразными обезьянами и где-то в одном из них совершенно отчетливо выявится первый шаг в сторону человека. С надеждой найти так называемый «мозговой рубикон» к настоящему времени пришлось, однако, расстаться. М. И. Урысон в докладе на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в связи с этим констатировал невозможность найти морфологический критерий «человечности». По мнению М. И. Урысона, переход к труду не явился ароморфозом. Ароморфоз произошел раньше — с переходом к прямохождению. Переход к труду, как бы грандиозен и величествен по своему значению и последствиям он ни был, не ознаменовался подъемом предшественников человека на новую, более высокую ступень его морфологической организации, и потребовал лишь тонкой перестройки связей в коре головного мозга. С этой идеей в принципе соглашается и Я. Я. Рогинский³. Заметим, однако, что противопоставление «перестроек связей в коре мозга» ароморфозам все же не вполне убедительно.

¹ Якимов В. П. Австралопитековые // Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., 1966.

² Кочеткова В. И. Новые данные о макроструктуре мозга гоминид и их интерпретация // Вопр. антропологии. 1970. Вып. 34.

³ Рогинский Я. Я. Проблемы антропогенеза. М., 1969. С. 93.

На том же VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук археолог Г. П. Григорьев недвусмысленно заявил, что «грань между обезьяной и человеком прямо определяется только археологией, так как связана с появлением искусственных орудий»¹.

Наличие каменных орудий считается убедительным доказательством принадлежности того или другого ископаемого примата к человеческой линии, если, конечно, орудия найдены в одном и том же слое с костными останками. Фактический материал, накопленный кропотливым трудом археологов, — не менее огромный и впечатляющий, чем у антропологов. Археологами обнаружены и описаны орудия различных периодов древности. Однако сомнения по поводу того, является ли элементарная орудийная деятельность действительно человеческой деятельностью, не ослабевают, поддерживаясь двумя основными источниками. Во-первых, этология обнаружила факты, свидетельствующие об орудийной деятельности животных, внешне напоминающей человеческую. Во-вторых, эксперименты и наблюдения над орудийной деятельностью современных приматов позволили обнаружить принципиальные различия между биологическим манипулированием орудиями и их сознательным применением [75, с. 34].

Установление этих фактов внесло в дискуссию новый момент: мало определить, пользовались ли какие-то ископаемые антропоиды орудиями или нет; необходимо еще решить вопрос, *сознательно* ли они употребляли орудия либо же манипулировали ими столь же инстинктивно, как современные человекообразные обезьяны [75, с. 35].

По вопросу о первичных причинах поворота наших человекообразных предков на тот путь, который в конечном итоге привел к социальной жизни, в современной литературе существует множество различных точек зрения.

Наиболее часто такой первичной причиной называются великие сдвиги в климатических условиях Земли, в основном — оледенение. Ученые, придерживающиеся этих взглядов, пишут о «колоссальных климатических пертурбациях» (С. П. Толстов²), о дилемме

¹ VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Т. 3. 1968. С. 610.

² Толстов С. П. Проблема дородового общества // Совет. этнография. 1931. № 3—4. С. 81.

«выжить либо погибнуть, которая была поставлена перед человеком природой» (Г. А. Шмидт¹), о выделении человека из мира животных как «реакции жизни на усложнение и ухудшение внешних условий обитания» (И. М. Забелин²), а Г. Вейнерт этот вывод доводит до четкой формулы: «Ледниковый период создал человека»³.

Объяснить направленность развития предлюдей, однако, никакое похолодание и никакие другие внешние природные сдвиги не в состоянии. Поэтому в совокупности с похолоданием называется чаще всего эволюция психики, создающая особую адаптивную пластичность в изменяющихся природных условиях (А. Н. Северцов, К. Э. Фабри). Однако и в таком сочетании социальная направленность развития предлюдей все равно остается непонятной. Вот почему взоры исследователей направляются на поиски дополнительных предпосылок и «первопричин».

В числе таких «социально-направляющих» предпосылок одни ученые называют, например, «способность к социальному наследованию», обусловленную «соответствующим набором генов» (С. Сковрон⁴); действие проникающей радиации на мутационные процессы у предлюдей, обитавших в пещерах, вынудившее их изменить социальное поведение (Г. А. Васильев⁵); изменение числа хромосом, обусловившее появление еще одного «этажа» центральной нервной системы, ответственного за понятийное мышление (В. И. Кочеткова⁶).

Другие ученые, не удовлетворяясь генетическими механизмами (социальные результаты действия которых остаются все еще очень непонятными), пытаются найти дополнительные первопричины в особенностях стадной жизни предшественников человека.

¹ Шмидт Г. А. Проблема отбора в антропогенезе // Учен. зап. Моск. ун-та. 1948. Вып 115. С. 83—84.

² Забелин И. М. Физическая география и наука будущего. М., 1970. С. 45.

³ Вейнерт Г. Происхождение человечества. М., 1935. С. 301

⁴ Сковрон С. Развитие теории эволюции. С. 294.

⁵ VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук... С. 598—599.

⁶ Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972. С. 56—62.

Ю. Решетов, опираясь на некоторые данные А. Валлуа, предполагает, что преобладание в стаде предлюдей мужчин над женщинами заставило ввести первые социальные запреты и ограничения¹. Н. А. Тих считает общественность главным фактором эволюции и делает акцент на взаимопомощи, особенно ярко представленной в сообществах приматов у самок².

Итак, науки, изучающие антропосоциогенез, накопив богатейший фактический материал, подошли к самой грани, отделяющей человека от его животных предков, и остановились перед теоретическим истолкованием этой грани, будучи не в состоянии решить эту проблему. И задача состоит *не в том, чтобы найти то или иное отличие человека от животного, а в том, чтобы понять его возникновение* [75, с. 37].

1.2. Сообщество и общество: сходство и различие

Стремление вывести человеческое общество (прямо или косвенно) из присущей животному миру способности создавать многообразные типы сообщества имеет давнюю историю, повторяясь и сегодня в самых различных вариациях [75, с. 41].

Понятие «сообщество», к сожалению, не является достаточно строгим и однозначным. Многозначность термина «сообщество» привела к тому, что в качестве его синонимов для обозначения одновидовых группировок употребляются термины «колония», «агрегация», «интеграция», «надорганизменные образования», «первичные объединения», даже термины «общество», «социальная жизнь животных». В дальнейшем мы будем пользоваться все же преимущественно термином «сообщество», учитывая его наибольшую распространенность в зоопсихологической литературе [75, с. 41].

Как правило, местная популяция, будучи основной единицей существования и воспроизведения вида, кроме сообществ, вклю-

¹ Решетов Ю. Природа Земли и происхождение человека. М., 1966. С. 254—255.

² Тих Н. А. Предыстория общества. Л., 1970. С. 281; 283; 290.

чает еще и другие структурные компоненты — одиночно живущих особей и «семьи» (гаремные, моногамные или с одним из родителей). Для одних видов животных жизнь в сообществе является постоянным образом бытия, для других — необходимым лишь в определенной стадии развития, третьи совершенно не знакомы с подобным образом жизни [75, с. 42].

Исследователи различают сообщества двух типов: сообщество, основанное на физиологическом разделении функций, и сообщество, в котором особи взаимодействуют друг с другом преимущественно на основе поведенческих связей. Примером первого типа сообществ являются колонии кишечнорастворимых и насекомых. Колониальные насекомые — пчелы, муравьи, термиты, несмотря на видимость полной физической независимости, неспособны жить в изолированном состоянии, поскольку только вся совокупность особей обеспечивает целостность биологических функций. Обмен веществ, регуляция температуры, воспроизводство новых особей — все это зависит от совместных, специализированных усилий всех членов колонии [75, с. 43].

В животном мире отдельные особи по мере эволюционного усложнения психики приобретают все большую индивидуальность, а взаимосвязи, соединяющие их в более или менее интегрированное целое, носят уже не столько физиологический, сколько психологический, поведенческий характер. Долгое время было распространено мнение, что семья представляет собой источник и базу формирования сообщества. Данные сравнительной психологии показали неправомочность этой идеи. Оказалось, что у птиц и млекопитающих семейные и стадные инстинкты возникают и развиваются не только независимо друг от друга, но, как правило, еще и в антагонистическом отношении друг к другу¹ [75, с. 44].

Причины таких противоречивых отношений коренятся в общем механизме биологической эволюции. Жизнь вида и его победа в борьбе за существование обеспечивается: 1) размножением, т. е. распространением вида во времени, и 2) расселением, т. е.

¹ Вагнер В. А. Семья и общественность в мире животных // Природа. 1931. № 12.

распространением его в пространстве или захватом новых мест жительства [75, с. 44].

Характерный пример большей или меньшей текучести стадных форм жизни представляют человекообразные обезьяны. Такая изменчивость численности и структуры стад понятна и неизбежна: она зависит от обилия или бедности пищи, от степени опасности, исходящей от хищников, от внутрибиологического состязания, от сезонных изменений природы и т. д. [75, с. 45]

Таким образом, стадная жизнь животных не является абсолютом ни в повседневном бытии, ни во времени; она представляет собой распространенный и достаточно изменчивый способ существования популяции. Сообщество складывается для решения актуальной задачи и лишь затем эволюционирует, обрастая новыми функциями и приобретая оптимальную степень устойчивости. Примером этого является временное образование волчьей стаи зимой, характерной «целевой» группы, вызванной к жизни трудностями добычи пищи [75, с. 45].

Если совместное действие приносит группе устойчивую пользу, сообщество становится одной из постоянных структурных единиц популяции. В этом случае совместное действие генетически передаваемой информации, закрепленной в процессе эволюции, и индивидуального научения обеспечивает непрерывное воспроизведение стадных форм существования в то время, когда им не препятствуют иные, более могущественные инстинкты (например, половой). Таковы объединения диких уток в стаи накануне перелета, диких оленей в стада для ежегодных переселений (весенних и осенних) и т. д. [75. С.46].

Наконец, если совместные действия приносят группе непрерывную пользу, с которой связываются коренные интересы вида, в этом случае сообщество становится основной структурной единицей популяции. Такие постоянные сообщества образуют, например, пингины, бобры, павианы и др. Жизнь в сообществе создает целый ряд несомненных преимуществ для наилучшего выживания особей: в частности, ослабляется внутригрупповая конкуренция, выявляется максимальная для данного вида пластичность психики и поведения, уменьшается зависимость от внешних факторов элиминации, на-

пример вероятность обнаружения отдельных животных хищниками. Правда, и в этом случае сообщества в силу внешних обстоятельств могут распадаться [75, с. 46].

Итак, сообщества животных способны формироваться для реализации самых разнообразных потребностей: для охоты и, напротив, защиты от хищников; для передвижения и пропитания; для взаимного обогревания и совместной строительной деятельности [75, с. 46].

Особняком в этом случае стоит функция продолжения рода и связанная с нею функция воспитания потомства. Во многих случаях именно эти функции считают основным ядром общественной связи в органическом мире, основным условием прочности сообщества. Такое мнение справедливо только в одном отношении: лишь те формы стадной жизни становятся действительно постоянными, непрерывно существующими, в которых функции продолжения рода перестроились в соответствии с потребностями стадной жизни. В тех случаях, когда половой инстинкт оказывается в определенное время развития особи сильнее, чем потребность в стадной жизни, стадо, как правило, неустойчиво. Возникновение устойчивых сообществ обязательно связано с усложнением внутростадных функций, особую роль в которых играет функция совместного воспитания потомства (детские «ясли» и «воспитатели» у пингвинов, взаимная защита потомства у обезьян и т. д.) [75, с. 46].

Взаимосвязи, складывающиеся внутри постоянно существующего сообщества, включают относительно независимые друг от друга, но видоизменившиеся и сопряженные стадные и половые отношения. В обычных условиях в стаде обезьян конфликты никогда не приобретают ожесточенного характера, а иногда и вовсе отсутствуют. Поединки за обладание самкой возникают лишь в тех случаях, когда отношения доминирования в стаде еще окончательно не установились. В сложившейся же стадной иерархии действуют строгие отношения господства и подчинения [75, с. 47].

Система доминирования распространяется не только на половые взаимоотношения особей в стаде, но и на все виды поведения. Существование иерархии, в которой каждое животное находится в четких взаимоотношениях господства и подчинения с каждым

другим животным, предотвращает раздоры и распри в стаде (из-за пищи, лучшего мяса и т. д.). Главенствующая роль в стаде всегда принадлежит вожаку [75, с. 48].

Все эти формы регуляции стадной жизни, включая вожачество, носят принципиально биологический характер [75, с. 48].

В каждом сообществе помимо сил взаимного притяжения в большей или меньшей степени имеются и центробежные силы. Биологическое сообщество имеет не только преимущества, но и очевидную ограниченность, обусловленную его организацией. Одним из главных недостатков является неспособность полного совмещения потребностей стадного и индивидуального существования. Индивидуальные потребности в процессе эволюции органического мира неизбежно возрастают, биологическая особь становится все более сложной и автономной по своей организации [75, с. 49].

Многообразие форм и типов сообществ давно служило объектом для создания различных способов классификации. Вычлняя из совокупного биологического мира формы сообществ с их большей или меньшей координацией и молчаливо предполагая зависимость их от степени развития психики, абстрактно вычлененной цепочке форм искусственно придается видимость непрерывной и восходящей линии, что неизбежно искажает действительную картину [75, с. 50].

Прямолинейное стремление создать единую пирамиду сообществ, на вершине которой можно было бы гордо поместить человеческое общество, несостоятельно в научном смысле. Решающим моментом для возникновения собственно социальных связей является становление *коллективного труда*, а не просто «коллектива» особей, объединенных пусть и многообразными, но чисто биологическими связями. Никакое усложнение способов координации, форм иерархии стадного существования, никакой альтруизм не объясняют этой качественной способности даже элементарной, чисто зародышевой формы человеческого объединения. Это дает основание считать неубедительными попытки вывести общественность человека непосредственно из эволюции «общественной жизни» животных [75, с. 50].

Что дает общебиологический подход к стадной жизни животных, в том числе антропоидов? [75, с. 51]

Ясно, во-первых, что мы еще очень далеки от желанного берега. Стадо есть компонент популяции, т. е. того уровня биологической организации, на котором реализуется функция временной непрерывности живой материи (размножение и расселение). В стаде действуют одни лишь биологические формы ауторегуляции (доминирование и иерархия). Нашей же задачей является выяснение того, как возник *небиологический* механизм регулирования — социальные нормы [75, с. 51].

Ни механизмы функционирования биологических сообществ, ни эволюция их сами по себе не в состоянии объяснить, как возникло общество с его социальными нормами регуляции. Представить себе, каким образом «ограниченный» прогресс в сфере непрерывного возникновения биологических сообществ привел к «неограниченному» социальному прогрессу, столь же трудно, насколько трудно вообразить превращение современных человекообразных обезьян в человека [75, с. 51].

Конкретизируем задачу: не могли ли сложиться первичные социальные связи в сообществе, состоящем из особей, способных вести орудийную деятельность? [75, с. 52]

1.3. Орудийная деятельность как биологическое явление

Понятие «орудие» в этологической литературе, по признанию самих этологов, не определено достаточно четко. Если под орудием понимать вещь или комплекс вещей, с помощью которых происходит воздействие на природу, то в таком случае понятие «орудие» будет настолько расплывчатым, что под него практически можно будет подвести любую гнездостроительную деятельность, любые приспособления типа паутины у пауков, любые сооружения, примеры которых неисчислимы. Такое понятие практически теряет какой бы то ни было смысл. Поэтому здесь «орудием» мы будем обозначать лишь такой предмет, который является продолжением какого-либо рабочего органа животного (клюва, лапы, руки), выполняя

функцию его энергетического или манипуляционного усиления. Применение данного критерия к этологическому и экологическому материалу сразу же исключает из поля зрения деятельность пчел, муравьев и термитов, сложную строительную деятельность бобров по сооружению плотин и каналов, гнездостроительную деятельность птиц и т. д. [75, с. 56].

Если объединение животных в сообщества — явление обычное и столь же многообразное, то орудийная деятельность животных — напротив, явление редкое и ограниченное в своем многообразии [75, с. 56].

Зафиксировано свыше десяти видов животных, у которых отмечены случаи употребления орудий. Среди них половина видов относится к отряду приматов. Другая половина в систематике животных распределена крайне редкими вкраплениями [75, с. 57].

Среди моллюсков орудийная деятельность встречается лишь у осьминогов. Отмечены факты использования осьминогами орудий для защиты от опасности¹ и для добычи пищи².

Среди членистоногих орудийная деятельность отмечена также лишь в одном случае — у вида одиночной осы. Среди всех групп беспозвоночных животных тип членистоногих выделяется наибольшим разнообразием приспособлений к самым различным условиям существования, изумительным богатством форм и огромным числом видов. Но есть одно обстоятельство: муравьи и пчелы, развившиеся в направлении создания сложнейших сообществ, не применяют никаких «орудий», а единственный научно фиксированный случай применения орудий отмечен у *одиночно живущей осы*. Оса аммофила отличается исключительно сложным инстинктом заботы о потомстве. В процессе рытья норки для своего будущего потомства она утрамбовывает землю камешком, удерживая его в жвалах [75, с. 57].

Таким образом, среди беспозвоночных орудийная деятельность отмечена только у одиночно живущих осьминогов и одиночно живущих ос. Те и другие принадлежат к процветающим группам животного мира. Но в обоих случаях способность к орудийной

¹ Брэм А. Э. Жизнь животных. Т. 2. С. 176.

² Давиташвили Л. Ш. Теория полового отбора. М., 1961.

деятельности передается только генетически: никакого другого механизма передачи данной способности мы просто не можем предполагать, поскольку каждая отдельная особь развивается от рождения до смерти обособленно от всех других [75, с. 57].

Среди позвоночных орудийная деятельность впервые встречается в классе птиц у дятлового вьюрка Галапагосских островов, использующего кактусовую иглу либо веточку для добывания насекомых, живущих в древесном стволе, и стервятников Африки. Если вьюрку понравилось выбранное им орудие, то он, перелетая с дерева на дерево, может носить его с собой в клюве, а на время поисков очередной личинки — закреплять в какой-нибудь трещине коры. Ни дятловые вьюрки, ни стервятники не отличаются особо развитой среди других птиц нервной системой. Упомянутые виды птиц живут парами, что создает более широкие возможности для распространения в популяции любого новоприобретения [75, с. 58].

Итак, орудийная деятельность среди птиц отмечена у моногамно живущих дятловых вьюрков и стервятников. В том и другом случае она возникает как крайне редкая разновидность в специализации питания: в обоих случаях орудийная деятельность осуществляется индивидуально. Все остальные случаи орудийной деятельности отмечены у млекопитающих, причем, как правило, ведущих стадный образ жизни [75, с. 59].

В полном смысле слова систематически пользуется орудием морская выдра, или калан. Правда, орудийная деятельность присутствует не всем каланам, а только животным калифорнийской популяции. Панцирь морского ежа или раковину моллюска калан разбивает камнем. Иногда он помногу раз пользуется одним и тем же камнем, сохраняя его под мышкой. Калан всюду является настоящим стадным животным, но сама по себе орудийная деятельность осуществляется каланом индивидуально [75, с. 59].

Особенно часто, хотя и не всегда систематически, орудийная деятельность встречается среди приматов. У обезьян-капуцинов многими исследователями отмечено употребление камня как орудия для разбивания твердой скорлупы орехов. Столь же систематический характер орудийная деятельность имеет у маленьких яванских макак-крабоедов. Выследив с деревьев выползающих на берег

крабов, макаки спускаются на землю и подкрадываются с камнем в руке к жертве. Разбив панцирь и съев краба, они бросают свое орудие [75, с. 60].

Другие наблюдения за низшими человекообразными обезьянами показывают, что они в состоянии использовать сучья или камни для бросания в качестве защиты [75, с. 60].

Но среди высших человекообразных обезьян систематического употребления предметов природы в качестве орудий нет совсем, а свидетельства об отдельных случаях самого разнообразного применения орудий антропоидами противоречивы. В Таиланде видели, как гиббоны бросают сучья в людей¹. Другие, однако, пишут, что орудийная деятельность подмечена среди высших человекообразных обезьян: у шимпанзе, проводящих на земле значительное время, у горилл, живущих только на земле, иногда у орангов, но у гиббонов — никогда. Многие известные исследователи ни разу не наблюдали применения орудий гориллами. Шимпанзе в Танганьике орудиями (стеблями тростника или веткой) добывают термитов, делают чашки для питья, сворачивая листья в конус, могут прицельно бросать камни и палки, чтобы сбить с дерева плоды. Напротив, шимпанзе, населяющие лес Будонго, в ходе длительного наблюдения за ними ни разу не употребляли каких-либо орудий [75, с. 61].

Выводы

Несомненным является *индивидуальный* характер орудийной деятельности животных. Эта черта относится не только к тем видам животных, которые ведут одиночный образ жизни, но и к моногамно живущим и даже к стадным животным. Орудийная деятельность есть форма индивидуального приспособления к среде, проявление индивидуальной, а не коллективной активности. Во всех без исключения сообществах животных, особи которых ведут орудийный образ жизни, этот вид деятельности сообществом не регулируется и не контролируется. Сообщество возникает по своим законам, независимым от того, ведут особи, объединяющиеся в стадо, орудийную деятельность или не ведут [75, с. 61].

¹ Решетов Ю. Г. Природа Земли и происхождение человека. С. 129.

Орудийная деятельность животных ни в одной из ее разновидностей, таким образом, абсолютно не соответствует даже элементарной форме социальной деятельности (регулированию всеобщими нормами). Для каких бы то ни было других выводов у нас нет оснований [75, с. 61].

Поскольку всякое биологическое сообщество возникает и функционирует вокруг общебиологических целей и не имеет механизмов регулирования орудийной деятельности, постольку взаимосвязь, характерная для элементарной формы социального, не может быть представлена как результат эволюции сообществ. Но, с другой стороны, эта форма взаимозависимости не могла возникнуть и из эволюции орудийной деятельности животных, поскольку последняя всегда носит индивидуальный характер и превратиться в коллективную сама по себе не в состоянии. Налицо парадокс, нуждающийся в теоретическом разрешении: совместная трудовая деятельность людей не могла возникнуть ни из эволюции сообществ, ни из эволюции орудийной деятельности животных, а между тем других общебиологических путей, ведущих в социальный мир, не существует [75, с. 61].

Совершенно очевидно, что всякий новый шаг в развитии орудийной деятельности животных в силу ее индивидуального характера каким-то образом связан с эволюцией психики. Экспериментальный материал свидетельствует, что возникновение орудийной деятельности представляет для индивида значительную психологическую трудность. Но объяснить причины и механизмы этого нелегко, особенно если рассмотреть вопрос в эволюционном аспекте. На первый взгляд кажется, что орудийная деятельность животных должна не только чаще встречаться с подъемом эволюции на каждую новую ступень, но и с каждым новым шагом быть все более прочной, систематичной и всеохватывающей. В действительности же все обстоит гораздо сложнее. По мере развития органического мира орудийная деятельность животных чаще встречается, как мы уже могли убедиться, лишь в отряде приматов. Но поразительно, что если у низших обезьян формы систематического употребления орудий встречаются, то у высших человекообразных обезьян, уровень психики которых гораздо выше, систематической орудийной деятельности фактически нет [75, с. 62].

1.4. Основные трудности понимания взаимосвязи социального и биологического в психике человека

Отличие даже самых высоких форм психики животных от любых, даже самых примитивных, форм человеческой психики — не предмет дискуссии, а общепризнанный факт. Разногласия начинаются при объяснении этого факта с точки зрения его согласования со всеми накопленными к настоящему времени естественнонаучными и общественно-научными представлениями. Эти разногласия и противоречия сложились в три основные группы [75, с. 62].

В эпицентре сложнейшего клубка противоречий *первой* группы находится вопрос о соотношении приобретенного (прижизненного) и врожденного (наследственного) в психике человека. В решении этого вопроса сталкиваются представления, формирующиеся в разных науках — психологии, философии, генетике и физиологии [75, с. 63].

Большое количество фактических и теоретических данных свидетельствует о несомненной прижизненности всего содержания человеческой психики, обусловленности ее исключительно внешними по отношению к индивиду социальными воздействиями, о независимости ее от механизмов наследственности. Специфика человеческой психики заключается в абсолютной независимости сознания от механизмов наследственности, в свободе от их определяющего воздействия, в исключительно социальной и внешней по отношению к индивиду с его наследственными церебральными механизмами природе¹ [75, с. 64].

Но другая совокупность фактических и теоретических данных столь же несомненно говорит, что без генотипического контроля невозможна никакая психическая деятельность и что без наследственно и изначально закодированных внутренних условий, спо-

¹ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1965. С. 186—187; Ильенков Э. В. Психика и мозг (ответ Д. И. Дубровскому) // Вопр. философии. 1968. № 11. С. 149; Дубинин Н. П. Социальное и биологическое в современной проблеме человека // Вопр. философии. 1972. № 3. С. 79—80.

собных обеспечить внешнюю социальную детерминацию, невозможно человеческая психика вообще. В психологии особенную значимость имеет то положение, что внешние причины (внешние воздействия) всегда действуют лишь опосредствованно через внутренние условия. Если этот принцип применить к психике человека, начиная непосредственно от его рождения, то понять механизм воздействия социального как внешнего на чисто биологическую природу человека представляется крайне затруднительным. Речь идет именно о генетически обусловленных механизмах психики, которые создают «родовую» для всего человечества возможность специфически социального способа отражения¹. Такая постановка вопроса тоже вполне убедительна. Никакое простое опровержение доводов сторонников этой точки зрения не в состоянии решить вопрос о соотношении социального и биологического в психике человека [75, с. 64].

Второй узел противоречий и трудностей группируется вокруг вопроса о соотношении в психике человека эволюционно-биологического и социально-исторического и объединяет интересы таких наук, как антропология, эволюционная биология, история, психоневрология и философия. Продолжается спор о том, социальное предшествовало сознанию или наоборот². И как могла возникнуть взаимосвязь сознания и труда в их элементарной форме? Является ли она результатом развития внутренних общебиологических закономерностей и эволюции механизмов высшей нервной деятельности? Не ответив на эти вопросы, невозможно понять механизм возникновения социальных отношений [75, с. 65].

Основная суть затруднений вокруг вопроса о соотношении эволюционно-биологического и социально-исторического в возникновении человеческой психики предстает в виде альтернативы:

- либо возникновению человеческой психики предшествовал ароморфоз (прогрессивное биологическое развитие), обусловивший особую, передаваемую в дальнейшем по наследству

¹ Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959. С. 117; Брушлинский А. В. О наследственных предпосылках психического развития человека // *Вопр. философии*. 1970. № 9. С. 158

² Северцов А. Н. Эволюция и психика // *Собр. соч.* Т. 3. С. 310—311.

высоту психики и, в свою очередь, создавший биологическую возможность для возникновения труда и сознания;

- либо труд и сознание возникли постепенно на основе обычных предпосылок биологического характера (прямохождение, орудийная деятельность, сообщества животных, уровень нервной организации, однопорядковый с современными человекообразными обезьянами) под влиянием каких-то внешних чрезвычайных обстоятельств (вроде похолодания), заставивших их перейти к новому способу жизнедеятельности [75, с. 66].

Третий клубок противоречий сложился вокруг вопроса об отношении физиологического, с одной стороны, к психическому как социальному — с другой. Уточним, что речь идет в данном случае не о психофизиологической, но лишь об одном из аспектов социально-биологической проблемы. Дискуссии разворачиваются здесь в основном между физиологами, антропологами, психологами и философами [75, с. 67].

Объем информации, перерабатываемой человеком в течение жизни, во множество раз превосходит то количество информации, которое получает любое животное в процессе своего научения и индивидуального жизненного опыта¹ [75, с. 67].

Мозг человека по сравнению с человекообразными обезьянами тоже, конечно, изменился. Он стал больше, сложнее, в нем появились новые поля, изменилось соотношение в величине различных полей в нервной архитектонике мозга. Но все эти различия, тщательно выявляемые современной наукой, уже не носят столь же впечатляющего и очевидного характера, как это имеет место в случае сопоставления психики человека и высших обезьян [75, с. 67].

Основная трудность заключается вовсе не в вычленении специфических отличий нервного субстрата человеческого мозга. Такие отличия несомненно есть, и они достаточно существенны, чтобы отвергнуть антиэволюционистские версии. Основная трудность в том, достаточны ли эти морфофизиологические отличия мозгового субстрата для того, чтобы объяснить гигантские отличия

¹ Миллер Дж. Индивидуум как система, перерабатывающая информацию // Концепции информации и биологические системы. М, 1966. С. 279.

психики человека от психики высших обезьян. Если с этой стороны оценивать сложившуюся ситуацию, то вывод уже будет явно неутешительный. Разница в морфофизиологическом субстрате мозга между человеком и высшими обезьянами носит (насколько об этом можно судить исходя из современных научных данных) лишь количественный и притом более или менее однопорядковый характер¹. Ч. Дарвин и Т. Гексли, кстати говоря, считали, что по строению мозга человек отличается от шимпанзе или орангутана менее, чем эти последние от низших обезьян. Разница же в сфере психики между человеком и высшими обезьянами носит отчетливо качественный, многопорядковый характер и к тому же имеет тенденцию непрерывно возрастать. Эти «ножницы» между представлениями об уровне человеческой психики и пониманием ее материальных механизмов остаются до сих пор необъясненными². Если подходить к определению уровня сложности строения и функций мозга человека, не учитывая комплексной интеграции на высшем уровне и оценивая его совершенствование лишь по прибавлению массы, то останется непонятным столь разительное превосходство функций мозга у человека при сравнительно малой надбавке его массы³ [75, с. 68].

До сих пор бытует представление о том, что физиологические основы сознания раскрыты в учении И. П. Павлова о двух сигнальных системах. Тем самым глубокой догадке этого ученого о вероятном механизме специфически человеческой сигнализации придается ложный оттенок законченности познавательного процесса. Первая, вторая сигнальная система — понятия, пока еще остающиеся схемой, не заполненной каким-либо опытным материалом. Мы не имеем сведений ни о структурах этих систем, ни об их взаимоотношениях, ни об их опосредованиях [75, с. 69].

¹ См.: Шевченко Ю. Г. Эволюция коры мозга приматов и человека. С. 203—204; Кононова Е. П. Лобная область большого мозга. Л., 1962.

² Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. С. 385.

³ Брушлинский А. В. Культурно-историческая теория мышления. М., 1968. С. 90.; Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. М., 1963. С. 149; Некоторые теоретические вопросы строения и деятельности мозга. М., 1960. С. 22.

Итак, суть затруднений и противоречий, возникших вокруг вопроса об отношении физиологического к психическому как социальному, выступает в виде альтернативы:

- признается строгая соотносительная взаимосвязь физиологического и психического, но тогда выявленные наукой морфофизиологические особенности механизмов мозга человека явно неспособны объяснить специфику человеческой психики;
- само отсутствие корреляций между уровнем психики человека с одной стороны и высотой организации высшей нервной деятельности человека — с другой — нужно признать результатом влияния новых социальных взаимодействий, рассматриваемых как чисто внешние по отношению к индивиду, но тогда должна быть отброшена как таковая идея строго соотносительной взаимосвязи между физиологическим и психическим [75, с. 69].

1.5. Орудийная деятельность животных и интеллект

У современных человекообразных обезьян мы одновременно находим и так называемую интеллектуальную психику, и достаточно развитую способность к орудийной деятельности [75, с. 85].

Дискуссии по вопросу о характере интеллектуальной психики животных, о ее отношении к сознанию человека имеют давнюю историю, а основные точки зрения сконцентрированы вокруг двух диаметрально противоположных полюсов [75, с. 86].

Одна группа исследователей, придерживаясь установки о качественной тождественности психики животных и человека, усматривает в интеллектуальной психике животных необходимое и достаточное звено, соединяющее человека с животным миром. Эта точка зрения берет свое начало с работ Ч. Дарвина, посвященных сопоставительному анализу эмоций и поведения животных и человека, и доходит до наших дней [75, с. 86].

Другая группа исследователей, руководствуясь противоположной установкой *о качественном отличии* сознания человека от

всех форм психики животных, рассматривают интеллектуальную стадию психики животных в качестве одной лишь предпосылки, необходимой для перехода от биологического к социальному, от животной психики к сознанию, но недостаточной для объяснения самого перехода [75, с. 86].

Столь диаметрально противоположные взгляды исследователей по вопросу о характере психики высших человекообразных обезьян имеют следующие основания.

Во-первых, животные с элементарной сенсорной и перцептивной психикой образуют новые связи постепенно и лишь в зависимости от этого все более прочно. Если животное вначале часто ошибается, то впоследствии, при условии постоянного совпадения сочетаний, такая связь приобретает характер прочного автоматизма. Животное с наиболее высоко организованной психикой (стадия интеллекта), например шимпанзе, кроме того, способно к образованию новых связей и другим путем. Вначале оно делает одни лишь неудачные попытки (хотя его деятельность и не напоминает полностью способа «проб и ошибок»), и вдруг решение находится, причем по типу «раз и навсегда», т. е. при повторениях операция воспроизводится сразу и безошибочно, а само решение ситуации довольно легко переносится в другие условия [75, с. 86].

Во-вторых, животные с менее организованной психикой способны отражать лишь те отдельные свойства предметного мира и целостные вещи, которые имеют биологическую значимость. Если явление не содержит в себе никакого биологического «смысла» для данного животного, оно практически не существует для него. Высшее животное способно отражать те явления, которые никакого биологического значения как будто не несут вообще. Эта способность проявляется не только в вычленении подготовительной фазы из единой деятельности животного, но и в значительном развитии так называемого ориентировочно-исследовательского рефлекса, или иначе — рефлекса «что такое?». И. П. Павлов неоднократно отмечал тот факт, что у обезьян ориентировочно-исследовательская деятельность начинает существовать в значительной мере самостоятельно, как своеобразное «бескорыстное любопытство», в отличие от «делового» отношения к экспериментам со стороны, например,

собак. Создается впечатление, что в таких случаях у обезьян как бы вспыхивает «интерес» к предметному миру в его объективных связях и отношениях, т. е. форма познания, которая характерна именно для человека [75, с. 87].

В-третьих, у высших животных тип строения мозга и его объем, как это отмечалось ранее, чрезвычайно близки по своему характеру и особенностям к типу строения человеческого мозга [75, с. 87].

Если исходить из всех этих оснований и допустить, что первоначальные предки человека были хотя бы немного «интеллектуальнее» современных высших обезьян, то вся проблема «начала» легко и однозначно решается: эволюция мозга — вот ключ к решению всех трудностей! [75, с. 87]

Есть, однако, другая совокупность столь же твердо установленных научных фактов, находящихся в той же плоскости, что и первые, но диаметрально противоположных.

Во-первых, действительно, в трудных условиях эксперимента (и, очевидно, в аналогичных жизненных ситуациях) обезьяна вдруг находит выход из трудной ситуации: поведение ее становится осмысленным, дающим основание говорить о вспышке «искры сознания». Но если обезьяна нашла способ разрешения данной жизненной ситуации, то в дальнейшем, как бы легко ни переносилось ею это же решение в другие условия, ее поведение будет носить все более стереотипный характер, отражающий явную ситуационную скованность представлений. «Искра сознания», вспыхнув, почему-то не разгорается дальше, а, напротив, быстро гаснет [75, с. 87].

Во-вторых, безусловно напоминает сознательное поведение человека и «бескорыстный» исследовательский рефлекс обезьяны, и первая, подготовительная фаза ее деятельности, и способность «подрабатывать» в ходе эксперимента предложенное ей орудие. Но если, повертев новый блестящий предмет, обезьяна удовлетворила свою «исследовательскую страсть», то интерес к нему быстро исчезает, а сам исследовательский рефлекс может вновь сработать только на новый предмет. Если, добыв и даже «подработав» (руками или зубами) орудие, обезьяна достала манящий ее аппетитный плод, то, как бы ни были привычны для нее все эти навыки «абиологического» поведения, обезьяна отбросит орудие прочь и

вспомнит о возможности такого же орудийного способа деятельности лишь в аналогичной ситуации. Интерес и внимание ко всему, имеющему абиологический характер, оказываются ограниченными какими-то жесткими пределами, за которыми исследователь вновь встречает давно известные ему явления — устойчивость интереса лишь к биологически значимому и безразличие ко всему, что в конечном итоге не имеет никакого биологического смысла. «Интерес к познанию» объективного мира, вспыхнув на мгновение, столь же быстро исчезает [75, с. 87].

В-третьих, несомненна близость и определенная однотипность строения мозга высших приматов и мозга человека. Но экспериментаторы в один голос отмечают максимальную напряженность психики животного, если задача требует от него действительно нового решения. Несмотря на всю отмечаемую многими учеными однотипность строения мозга приматов и человека, для одноразовой интеллектуальной деятельности приматов (быстро угасающих «искр сознания») требуются максимальные нервные усилия, а повседневная мыслительная деятельность людей обеспечивается деятельностью мозга поразительно легко и без особого напряжения [75, с. 88].

Однотипность строения и функционирования мозга приматов и человека оказывается иллюзорной, а вывод о количественной разнице их нейродинамических механизмов сомнительным [75, с. 88].

Все это достаточно убедительно доказывает, что качественное своеобразие интеллекта животных не в состоянии объяснить из своей собственной основы наиболее существенную особенность сознания человека — способность вычленять всеобщее. Именно эта способность, обусловившая понятийную форму мышления, качественно перестроила психику человека, изменила объем его памяти, сделала целенаправленным его внимание и поведение [75, с. 88].

1.6. Стереотипность и интеллектуальность деятельности

Возникает вопрос: не возникла ли связь труда и сознания в итоге взаимодействия между эволюцией орудийной деятельности животных и эволюцией механизмов высшей нервной деятельности? [75, с. 89]

Орудийная деятельность по своему характеру крайне противоречива как форма жизнедеятельности животного. С одной стороны, орудие есть всего лишь функциональное удлинение либо энергетическое усиление основного рабочего органа: кактусовая игла — удлинение клюва и средство миниатюризации основной функции добывания личинок; палка — удлинение руки, а камень — усиление ее функций и т. д. С этой точки зрения орудийная деятельность кажется совершенно естественным и даже необходимым явлением. Но, с другой стороны, орудие клювом или рукой все же не является ни физиологически, ни неврологически. Никакие нейрофизиологические механизмы в этом случае просто не работают. Когда пищи достаточно много и добыть ее можно обычными способами, необходимости в орудийной деятельности нет [75, с. 89].

Орудийная деятельность животных возникает тогда, когда обычными способами пищу не удастся добыть, т. е. когда органы чувств сигнализируют о наличии пищи, а рабочие органы оказываются недостаточно эффективными для реализации конечного акта. Правда, чаще в реальной жизни непредвиденные затруднения в способах добычи пищи решаются самыми различными способами, среди которых орудийная деятельность остается одним из наиболее трудных, требующих включения каких-то резервных механизмов. Если, например, птицы встречают затруднения в способах добычи пищи, они имеют возможность либо переселиться в соседние местности в поисках той же пищи, либо перейти на той же территории к близким по характеру видам пищи, в конце концов, перейти к иным (неорудийным) способам добычи. Если по механизмам возникновения переход к орудийной деятельности всегда остается у животных индивидуальным нейропсихическим актом, то для за-

крепления ее в поколениях необходимы уже общебиологические законы естественного отбора [75, с. 89].

Психологический прорыв, если он привел к жизненному успеху, способен закрепиться как обычный условный рефлекс, а в случае постоянного воспроизведения — как условно-рефлекторный стереотип или даже как наследственный механизм. Насколько ничтожны на первых порах шансы возникновения орудийной деятельности, настолько относительно велики шансы ее закрепления в индивидуальной психике животного. В этом механизме закрепления любого жизненного успеха (в том числе и крайне редкого, связанного с орудийной деятельностью) содержится глубочайший эволюционный смысл: популяция, пережившая трудное время, получает возможность выхода из кризисного состояния своего бытия, хотя бы это и произошло за счет гибели подавляющей ее части [75, с. 90].

Будучи всегда индивидуальной формой поведения, орудийная деятельность возникает и реализуется в онтогенезе особи на основе самых различных нейродинамических механизмов. Вначале орудийная деятельность (у осьминога, осы-аммофилы) включается в наследственно передаваемые механизмы поведения в качестве одного из специфических звеньев, определяющих последовательность поведения. На этом этапе эволюции она представляет собой форму проявления видового наследственного механизма [75, с. 90].

В дальнейшем орудийная деятельность не только возникает, но и функционирует на основе нейропсихических механизмов. На стадии перцептивной психики (вьюрок, калан, капуцин) она закрепляется в механизме условно-рефлекторного стереотипа, передается от одной особи к другой через обучение и подражание, подкрепляемые наследственной нормой реакции, и существует до тех пор, пока продолжают существовать внешние условия, вызвавшие ее возникновение. На этой ступени эволюции устойчивость орудийной деятельности и жесткая стереотипность нейропсихических механизмов неизменно сопутствуют друг другу. Природа здесь еще «торопится» мгновенно закрепить любой (в том числе орудийный) успех в таких индивидуальных нервных механизмах, которые немедленно создают для данной особи и ее потомства ощутимые селективные преимущества. Но, как известно, все, бывшее

прежде действительным, рано или поздно утрачивает свою необходимость; так и в эволюции психики — жизненный успех, достигнутый за счет потери пластичности, приводит к жизненным неудачам, селективные преимущества превращаются в элиминирующие факторы. Рано или поздно природа выносит свой «приговор» условно-рефлекторным механизмам, если они остаются единственным способом закрепления орудийной деятельности [75, с. 90].

На уровне интеллектуальной формы психики роль внешних обстоятельств в возникновении орудийной деятельности становится минимальной, но сама орудийная деятельность — неустойчивой. Анализ механизмов и эволюции психики, экологического и этологического материала поможет разобраться в причинах и обстоятельствах столь странного, на первый взгляд, явления [75, с. 91].

Если судить о стадии интеллекта по современным, а не вымершим формам антропоидов, то невольно приходишь к выводу, что орудийная деятельность как условие выживания популяций «обесценивается». На первых ступенях эволюции орудийная деятельность, как бы редко они ни возникала, всерьез и надолго входила в жизнь вида или популяции, существенно видоизменяя способ питания особей. На стадии интеллекта она становится эпизодическим явлением, несмотря на явное повышение способности к созданию орудий, выявляемое в эксперименте. Попытаемся понять столь противоречивую картину эволюции орудийной деятельности [75, с. 91].

Прежде всего, на стадии интеллектуальной психики облегчается сам процесс вычленения индифферентных явлений внешнего мира (ориентировочный рефлекс). Это происходит за счет наследственно закрепленного снижения силы безусловных представительства на уровне коры больших полушарий, а проявляется в виде наследственно определяемого нейропсихического ритма, который представляет собой алгоритм требования («инструкции») отвечать повышением возбудимости на всякое первое индифферентное раздражение. Любое новое раздражение соотносится со всем жизненным опытом животного. Если находится какая-либо связь с биологически значимыми раздражениями, уровень возбудимости еще более возрастает и тогда появляются новые шансы найти пищу или

избежать опасности. Если же такая связь не обнаруживается, уровень возбудимости понижается до обычной, «фоновой». Если же этот уже проверенный сигнал все равно продолжает повторяться (например, в искусственных условиях эксперимента), он начинает выполнять тормозящую роль и животное засыпает [75, с. 91].

На стадии интеллектуальной психики появляется и новый индивидуальный механизм возникновения орудийной деятельности. Поскольку в естественных условиях высшие антропоиды применяют орудия лишь эпизодически, взаимосвязь орудийной деятельности с психикой изучалась в основном в эксперименте. Подопытное животное ставилось перед такой («проблемной») ситуацией, решить которую оно могло лишь путем нахождения нового. О мышлении животных как о «мышлении в действии» говорил в свое время И. П. Павлов. И. М. Сеченов также подчеркивал, что низшие формы расчлененного сложного (то есть сгруппированного) чувствования, заключающиеся в различении и узнавании внешних предметов, свойственны не только ребенку, но и животным [75, с. 92].

В интеллектуальной деятельности животных налицо не слепой перебор вариантов (методом «проб и ошибок»), а целенаправленное действие, контролируемое, во-первых, сохраняющейся конечной целью, во-вторых, перестройкой, «перецентрированием» структуры восприятий (представлением) и, в-третьих, временной устойчивостью всех звеньев (вниманием) [75, с. 92].

В эксперименте удается получить довольно многообразные проявления орудийной деятельности высших антропоидов. В естественных условиях такие примеры противоречивы и редки, потому что сравнительно легкому механизму *возникновения* орудийной деятельности на уровне интеллектуальной психики не соответствует механизм *закрепления* ее. Поскольку в представлении фиксируется лишь способ действия, орудийная деятельность обезьяны начинает целиком определяться условиями конкретной ситуации. Повторение аналогичной ситуации приводит к тому, что сформировавшееся представление оживает быстрее, но приобретает стереотипный характер. Всякое же существенное изменение ситуации неизбежно приводит к разрушению сложившейся функциональной системы представления, а тем самым — и орудийной деятельности.

Гибкость представления как наивысшей психической способности антропоидов становится препятствием для закрепления орудийной деятельности в их повседневной жизни. Условием выживания как особи, так и популяции становится, таким образом, определенная высота нейропсихической организации и ее достаточная гибкость в разных ситуациях [75, с. 93].

Орудийная деятельность в этих условиях приобретает парадоксальную, на первый взгляд, способность сравнительно легкого возникновения и столь же легкого исчезновения. Природа здесь уже не «торопится» закрепить успех в стереотипных механизмах психики, дающих немедленный эффект, жесткий и неперспективный в условиях природного разнообразия. В этом безусловно находит свое проявление прогрессивное развитие нейропсихических механизмов [75, с. 93].

Но каждый прогресс в органическом развитии является вместе с тем и регрессом, ибо он закрепляет *одностороннее* развитие и исключает возможность развития во многих других направлениях. В данном случае это подтверждается фактом неустойчивости орудийной деятельности и определенного снижения ее «ценности» как постоянного фактора биологического приспособления. Как бы ни отличались по своему «интеллекту» современные антропоиды, их потребности совершенно аналогичны потребностям всех других животных. Как отмечают исследователи, обезьяны в естественных условиях целый день либо едят, либо отдыхают. Все их богатые интеллектуальные способности, выявляемые в эксперименте, в обычной жизни сохраняются в качестве резерва на случай возможных трудностей [75, с. 94].

Естественно возникает вопрос, достаточен ли этот «резерв» или «запасной ум» для того, чтобы на интеллектуальной основе в весьма отдаленные от нас времена произошел переход от биологического к социальному, от обычной для животных орудийной деятельности к элементарным формам труда? [75, с. 94]

1.7. Значение слова

У человека устойчивое внимание и возможность свободного овладения любой жизненной ситуацией организованы словом. По средством слова человек овладевает смысловым значением предмета (обозначенного словом) или, говоря иначе, функциональным назначением предмета, его возможной ролью в самых разнообразных ситуациях. Устойчивое внимание к индифферентному предмету у человека возникает, если смысл данного предмета, т. е. его назначение, становится понятным для него самого, для его близких, для общества в целом [75, с. 95].

Смысл предмета вычленяется и через представление, которое также схватывает ситуацию, т. е. связь индифферентного с биологически значимым, их отношение друг к другу. Но различие между вычленением предметного смысла в слове и в представлении заключается в том, что в первом случае субъект (человек) способен понять *всеобщий предметный смысл*, т. е. значимость любого предмета для любой ситуации, в которой этот предмет может сыграть роль не только для него самого, но и для других, а во втором животное способно вычленить лишь *единичный предметный смысл*, т. е. значимость данного предмета для данной или же аналогичной ситуации, встречавшейся ранее в индивидуальном опыте [75, с. 95].

На первый взгляд кажется, что развитие психики от простейших животных до человека происходит на какой-то единой основе, несмотря на происходящие время от времени скачки, обуславливающие постепенное усложнение форм отражения — от сенсорной психики к перцептивной, от перцептивной к интеллекту, от интеллекта к разуму [75, с. 96].

Никто, конечно, не отрицает того факта, что в условиях стадного существования психика любых животных, и в том числе антропоидов, подвергается существенным модификациям. В сообществе, несомненно, ограничивается агрессивное поведение особи и ее «зоологический индивидуализм». Необходимость учета взаимосвязанных потребностей сообщества, прямое регулирование со стороны вожака, индивидуальный опыт, полученный в процессе столкновений с другими

особями, неизбежно создают целую систему «социальных» ограничителей в психике, механизмов, контролирующих поведение особи и помогающих искусственно тормозить агрессивные реакции. Неизбежным результатом взаимодействия и переплетения противоречивых потребностей и тенденций — индивидуализма в одних ситуациях и взаимопомощи в других, внешнего (вожаческого) регулирования и самоограничения, конкуренции и подражания — является естественно складывающаяся система биологического доминирования и иерархии. Но все это не меняет индивидуальной природы психики, не влияет на эволюцию механизмов нейropsychической активности [75, с. 97].

Психика стадноживущих особей модифицируется как явление, индивидуальное по своей природе. Звуковой язык антропоидов крайне беден; к тому же он всегда остается эмоциональным по своему характеру, т. е. выражающим те чувства (страх, тревогу, удовольствие), которые необходимы данной особи в ее отношении к конкретной ситуации. Тем более это относится к языку жестов и мимике. Посредством жеста, мимики, звука животное делает значимым для другой особи свое внутреннее эмоциональное состояние, но не целостный образ. Ни ощущение, ни восприятие, ни представление не приобретают коммуникативную значимость в силу того, что они не имеют никакой объективной и общей для всех материальной знаковой системы [75, с. 97].

Мы отнюдь не отрицаем тем самым роли научения, подражания, опыта совместных межиндивидуальных связей и отношений [75, с. 97].

Подведем итоги.

Нельзя понять процесс возникновения социального мира, не преодолев ряда иллюзий и трудностей. К числу иллюзий в первую очередь относится явная или тайная надежда объяснить «начало» социальной жизнедеятельности непосредственно из особенностей, присущих высшим антропоидным обезьянам, не обращая при этом к предшествующей биологической и психофизиологической эволюции животного мира. Эта иллюзия, к сожалению, весьма распространена [75, с. 98].

Другая иллюзия относится к *способу* решения проблемы — попытке распутать клубок тайн происхождения человека через «ана-

лиз», «вытягивание» отдельных «нитей». Этот подход не имеет перспектив в силу того, что «нити» эти в клубке общественных отношений перевязаны бесконечным множеством «узлов», да еще и каждый из «узлов» завязан по-особенному [75, с. 99].

Совершенно справедливо указывают авторы предисловия к книге Б. Ф. Поршнева «О начале человеческой истории» (философ Х. Н. Момджян, историк С. А. Токарев, психолог Л. И. Анцыферова), что создание орудий, речь и социальность как три необходимых и достаточных основания целесообразного труда взаимно предполагают друг друга и поэтому могут возникнуть только вместе [75, с. 99].

Но основной трудностью в проблеме «начала» является теоретическое обоснование самого превращения биологического в социальное [75, с. 99].

1.8. Содержание проблемы «перехода» биологического в социальное

Каждое новое антропологическое или археологическое открытие, разъясняя одни загадки, порождает десятки новых в проблеме происхождения социального. Первый и основной скачок в процессе становления человека и человеческого общества связывался с возникновением питекантропа, жившего около 800 тыс. лет назад. Находки конца 50-х — начала 60-х годов XX века потребовали резкой ломки сложившихся представлений. После бурных дискуссий, тщательных проверок и уточнений ученым пришлось признать, что древнейшим известным нам существом, изготавлившим каменные орудия, был не питекантроп, а презинджантроп, или *Homo habilis*, живший 1 млн 750 тыс. лет тому назад. Не успели еще утихнуть страсти, вызванные этим событием, как открытия конца 60-х — начала 70-х годов в долине реки Омо на границе Кении и Эфиопии относят начало изготовления орудий труда на еще более ранний период, примерно на 2 млн 600 тыс. лет назад [75, с. 100]. Самые же последние археологические открытия в окрестностях озера

Туркана в Кении — это обнаруженные каменные орудия возрастом 3,3 млн лет.

Можно ли вообще тогда в принципе *археологически* решить проблему начала *человеческой* орудийной деятельности?

Если наука уже двести лет знает, что человек произошел от обезьяны (все другие версии мы исключаем как необоснованные и фантастические), то она до сих пор не знает о том, как это конкретно совершалось. Поэтому пока механизм перехода от обезьяны к человеку приходится определить как «черный ящик»: нам гораздо яснее, что туда вошло и что оттуда вышло, нежели то, что там произошло (Б. Ф. Поршнев)¹ [75, с. 102].

Обычно в работах, посвященных происхождению социального («антропосоциогенезу»), в качестве материала, «вошедшего в переработку», рассматриваются прямоходящие стадноживущие высшие приматы четвертичного периода, обитавшие в открытых или полуоткрытых местах, а потому вынужденные охотиться с помощью орудий, которые они могли уже более или менее систематически подрабатывать благодаря высокому уровню своего интеллекта. Обсуждаются способы связи между этими шестью-семью основными факторами, временная последовательность между ними, корреляции и взаимозависимости, соответствие конкретным антропологическим и археологическим фактам и т. д. [75, с. 102]

Поскольку отмеченные факторы заранее рассматриваются как «зачатки», постольку суть перехода через «рубикон» неизбежно отождествляется с «еще большей степенью» развития «предлюдей», «предпроизводства», «зачатков социальности», «зачатков мышления» и т. д. Говоря иначе, поначалу размыывают до неуловимости грань, отделяющую последних обезьян от «формирующихся» людей, а затем в недоумении рассуждают о загадках «черного ящика» [75, с. 102].

¹ Вопр. философии. 1962. № 5. С. 122—123.

1.9. Понятие элементарной социальной связи

Чтобы *понять* самые первые шаги в направлении от биологического к социальному, мы предлагаем отказаться от употребления терминов, крайне неопределенных в своем содержании, но создающих *видимость* движения мысли («зачаток», «намек на производство», «зародыш» и т. д.). Научный подход требует строгих адекватных понятий, и если таких понятий нет, их надо выработать [75, с. 105].

Как возможен «прорыв» узости биологического существования и возникновение социальности? На первый взгляд, постановка такого вопроса является странной: поскольку человек произошел от стадноживущих обезьян, а стадо есть структурный компонент популяции, постольку кажется несомненным, что основные события, связанные с переходом к обществу, происходят на популяционном уровне. Такое мнение стало настолько привычным и всеобщим, что и по существу, и терминологически поиски решения вращаются вокруг проблемы превращения стада обезьян («предлюдей») в первобытное стадо («формирующихся людей»). А между тем кажущееся очевидным далеко не всегда оказывается таковым при условии строго теоретического подхода [75, с. 119].

Смысл зарождения элементарной социальной связи заключается отнюдь не в самом постепенном «перерождении» сообщества обезьян («предлюдей») в первобытное стадо («формирующихся людей»). Как и почему возник феномен группового совместного и организованного действия, осуществлявшегося ранее (в биологическом мире) на уровне отдельного организма? При помощи каких регулирующих механизмов *группа* получила возможность организовать деятельность каждой особи *как совместную*? [75, с. 120].

Данные современной этологии (науки о поведении животных) недвусмысленно свидетельствуют, что никаких иных регулирующих механизмов устойчивой стадной жизни, кроме системы доминирования (включая иерархию и вожачество), не существует. На орудийную деятельность это, как мы уже видели, не распространяется.

Поэтому в рамках стада обезьян не может быть никакого, хотя бы самое примитивное, *осознание* вреда зоологического индивидуализма и преимуществ совместной орудийной деятельности, поскольку именно *возникновение сознания* и надо доказать [75, с. 120].

Существует лишь один способ решить столь противоречивую ситуацию: показать, *как* возникло групповое объединение индивидов вокруг совместной орудийной деятельности, как возможно превращение *биологической* индивидуальной орудийной деятельности в совместную и взаимозависимую *социальную* [75, с. 121].

Ранее уже говорилось о вариабельности стадных форм существования, способных зарождаться вокруг любой существенной для данного вида биологической потребности. Уникальность зарождения элементарной социальной связи заключалась как раз в том, что сообщество начало возникать вокруг орудийной деятельности. Только в результате принципиально иного соединения могло зародиться целевое сообщество особей, ведущих орудийную деятельность не обособленно друг от друга, а взаимосвязанно, и регулируемых специфическими способами, не похожими на другие. Возникновение элементарной социальной связи не может быть ничем иным, кроме формирования *группы* в качестве субъекта взаимосвязанной деятельности индивидов по удовлетворению их *основных* биологических потребностей в пище, безопасности и спаривании [75, с. 121].

1.10. Противоречия в дискуссии о происхождении речи

Наиболее сложным и труднообъяснимым моментом всей системы социального опосредствования в ее элементарной форме является возникновение языка [75, с. 125].

В работах, посвященных различным аспектам проблемы антропосоциогенеза, проблема возникновения речи либо вообще не ставится, либо ставится мимоходом. Там же, где она решается специально, «зачаток» языка усматривается либо на пороге неандер-

тальской ступени антропогенеза, либо еще позднее — в условиях верхнего палеолита. Основания для этого, безусловно, имеются. Именно антропологические данные (анатомия гортани, не способной к членораздельной речи) в сочетании с методологически верной идеей о неразрывной связи производства орудий труда и социальности с речью привели к необходимости отодвинуть начало человеческой истории к периоду формирования кроманьонского человека, «*Homo sapiens*» (40—35 тыс. лет тому назад) [75, с. 125].

Налицо явное противоречие между представлениями о времени возникновения социальных отношений у современных археологов с одной стороны, и специалистов по проблемам происхождения речи — с другой. Первые (в своем значительном большинстве) относят начало к периоду существования *Homo habilis* (3—3,5 млн. лет), считая, что уже тогда на смену биологическим законам пришли закономерности социальные. Вторые (опять-таки в своем большинстве) ограничивают историю человечества в лучшем случае несколькими десятками тысяч лет. При этом и те, и другие опираются на вполне серьезные факты в той области, где они являются специалистами [75, с. 126].

В нашем же случае переход к совместной орудийной деятельности произошел благодаря одновременному возникновению социальных отношений и протоязыка, качественно отличающихся от орудийной деятельности животных, стадных взаимосвязей и «языка» обезьян [75, с. 127].

Взаимозависимость, складывающаяся вокруг орудийной деятельности в форме *уникальной биологической связи*, независимо от желания и воли самих индивидов изменяла их психику и деятельность в невиданном дотоле направлении: психика становилась зависимой от звуков-подкрепителей, которые только благодаря эффекту группы приобретали очевидную значимость, т. е. становились знаками; орудийная же деятельность теряла свой индивидуальный характер, обнаруживая наибольшую эффективность при условии ее подкрепления групповыми сигналами. Так происходило рождение речи из сопровождающего орудийную деятельность звукового «шума» [75, с. 133].

Возникнув, элементарная социальная связь приобрела необратимый саморазвивающийся характер, создавая единственную

перспективу, единственную возможность выхода из кризиса [75, с. 133].

Итак, элементарная социальная связь возникает как *необычный способ сцепления обычных для биологического мира явлений из уникальной биологической связи*. Поскольку уникальными являются не сами элементы целого, а способ (форма) их сцепления, не встречавшийся в рамках биологического мира, и поскольку этот способ сцепления, будучи проверен жизнью, оказался устойчивым, постольку элементарная социальная связь (т. е. обусловленная языком совместная трудовая деятельность формирующихся людей) становится *первичной клеточкой*, из которой в дальнейшем вырастает вся сложная система социального [75, с. 134].

1.11. Лидирование как новый тип регуляции стадной жизни

Первая и основная особенность первобытного стада — сохранение и непрерывное *воспроизведение социального характера* самого *стадного объединения* [75, с. 147].

На первом этапе первобытное стадо отличалось от сообществ человекообразных обезьян прошлого и настоящего времени тремя основными чертами. Во-первых, наличием *систематической и регулярной орудийной* деятельности, обслуживающей охоту, защиту от хищников, питание и другие целиком биологические виды активности [75, с. 149].

Во-вторых, складыванием нового типа *регуляции стадной жизни*, в результате чего организация стадной жизни принимала качественно иной характер. В сообществах высших животных внутренняя структура, как правило, опирается на систему доминирования и иерархии. Биологический смысл такой системы несомненен, поскольку в результате ее действия сокращаются драки между животными и становится возможным сосуществование особей с многообразными и различающимися потребностями. Конечно, наряду с системой доминирования значительную роль играет и сво-

еобразный динамический стереотип, складывающийся с момента рождения и выражающийся в привычке жить рядом с другими, подражать их действиям, получать эмоциональное удовлетворение лишь в тех случаях, когда динамический стереотип не нарушен. Тяготение обезьян друг к другу возникает на почве материнских и половых связей. Многие исследователи отмечали резкую эмоциональную реакцию обезьян на изоляцию, большую роль подражания, особенно вожаку. Все это безусловно играет большую роль в укреплении стадной жизни высших животных [75, с. 149].

Но сила привычки быстро разрушается, когда начинает во весь голос заявлять о себе половой инстинкт. Вместе с возрастным и половым созреванием особи меняется и ее место в стаде. Система доминирования и иерархии оказывается зависимой от непрерывно меняющихся поколений. Текучесть и постоянные перегруппировки, исключительно «личный» характер взаимоотношений между особями и абсолютная их «зоологичность», многоступенчатость системы доминирования — все это является некоторым средним результатом действия противоположно направленных тенденций, одна из которых укрепляет совместную стадную жизнь, а другая тут же разрушает ее и требует нового укрепления. Стадная жизнь животных, сколь бы длительной она ни была по времени, никогда не гарантирована от распада [75, с. 149].

Поскольку сообщество формирующихся людей складывалось с самого начала на необычной нейропсихической и языковой основе, последняя все более приобретала ведущую роль в укреплении стада, создавая новый всеобщий динамический стереотип, не зависящий ни от возраста, ни от пола. Никакое половое или возрастное созревание не могло разрушить языковой стереотип, а тем самым и тяготение людей друг к другу. В этот период разделение биологического и социального бытия формирующихся людей имело еще довольно четкие пространственно-временные рамки. Лишь в процессе и лишь в тех случаях, когда первобытные люди получали эмоциональное или иное удовлетворение от совместных орудийных действий, действие приобретало социальную форму. Рождение социального носило характер увеличения времени на совместную орудийную деятельность, на побуждение других особей

к совместным действиям. Все другие формы жизнедеятельности оставались еще животными, биологическими, правда, вынужденными подстраиваться к той деятельности, от которой зависело все остальное [75, с. 150].

Никакое более или менее прочное сообщество не может иметь аморфный, бесструктурный, нерегулируемый вид. Складывалось регулирование и в формирующемся первобытном стаде, но характер регулирования в нем был уже иным, приобретающим форму *лидирования*. Лидирующую роль приобретал индивид, который эффективнее других производил весь набор действий по использованию орудий стадом [75, с. 150].

Биологическое доминирование существует только на основе непрерывных действий и знаков, подтверждающих неприкосновенность места, занимаемого особью в системе внутривидовых отношений. Такими действиями могут быть и угроза, и ритуальный сексуальный акт, и активное утверждение своего права быть первым и занимать наилучшее место. Иначе говоря, всякое биологическое доминирование носит активный состязательный характер, а наибольшая активность в системе доминирования по существу является вожачеством [75, с. 150].

Лидирование, складывающееся в первобытном стаде, требовало не внутривидовой, а внешненаправленной активности, не подчинения, а подражания, не подавления, а побуждения к совместному действию. Оба эти типа регуляции сосуществуют, но действуют в разное время и в разных формах. Но поскольку социальные формы деятельности — совместное применение орудий — не могли быть предметом раздоров и поскольку на языковом и орудийном взаимодействии базировалось удовлетворение жизненно важных биологических потребностей, т. е. самое существенное для жизнедеятельности, постольку система элементарного социального регулирования со временем все более укреплялась и развивалась, вытесняя и видоизменяя биологическую систему доминирования [75, с. 151].

1.12. Становление свободы выбора брачного партнера. Табу

Третьей специфической чертой первобытного стада являлся *новый тип отношений между полами* [75, с. 151].

По поводу характера половых отношений в первобытном стаде сложились две точки зрения. Одна из них предполагает, что первобытное стадо унаследовало от животных зоологическую семью (гаремную или парную) со свойственной ей регламентацией половой жизни. Другая, более распространенная, предполагает возникновение в стаде промискуитета и соответственно — растворение в стаде зоологических семей. Для того чтобы решить эту задачу, необходимо преодолеть представление о промискуитете как только общедоступности и неупорядоченности в сфере половых отношений [75, с. 151].

Основной этимологический (и содержательный) смысл понятия «промискуитет» (от лат. *promiscuus*) — смешанность, нераздельность, а не общедоступность. С возникновением первобытного стада и лидирования как его основного регулирующего механизма половые взаимосвязи неизбежно должны были подвергнуться перестройке. Лидер потому и лидер, что ему подражали, к его деятельности подстраивались, за ним следовали. Физическая сила и темперамент мужчины перестали быть главным основанием для установления половых отношений. Таким основанием впервые стала независимость от физической силы, подавление инстинкта под угрозой стадного наказания [75, с. 151].

Изменение системы лидирования неизбежно влекло за собой изменения и в сфере половых отношений. Сложился новый тип их регулирования — вытеснение их из сферы социальных отношений, социальной деятельности. Первые табу и явились естественным результатом этого процесса, в конечном итоге осознанным в виде первых моральных норм [75, с. 153].

2. СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО У ГОМИНИД

*В гневе начал царь чудесить
И гонца хотел повесить...*
А. С. Пушкин,
«Сказка о царе Салтане»

2.1. Структура социального

Итак, согласно идеям и выводам В. И. Плотникова, социальное начинается с элементарной социальной связи, выросшей из оптимальной уникальной биологической связи.

Уникальная биологическая связь представляет собой необычное сцепление обычных для человекообразных обезьян биологических явлений: индивидуальной орудийной деятельности; звуков-«подкрепителей», произносимых *на выдохе* обезьянами, осуществляющими орудийные действия; общественного бытия; группового аффективного возбуждения обезьян в кризисной ситуации.

Оптимальной уникальной биологической связью становится в условиях глобального кризиса, в которых действующие прежде биологические стереотипы поведения перестают приносить основные биологические результаты (пищу, безопасность, воспроизводство популяции) в необходимой для выживания мере.

Любой природно-экологический катаклизм, происходивший на Земле (столкновение с крупным космическим объектом, оледенение, извержение супервулкана или «всемирный потоп» и т. д.), с неизбежностью порождал глобальные кризисные условия для выживания основной биомассы на планете. Вымирали целые террито-

рии и виды. Выживали лишь те немногие, кто: 1) либо оказывался в условиях, подвергнувшись наименьшим изменениям; 2) либо сам смог измениться соответственно изменившимся условиям.

Многомиллионелетний естественный отбор выработал на планете всеобщую форму приспособления животных к кризисным условиям обитания: включение механизма предельного психического эмоционального («аффективного») возбуждения, когда переставшая быть результативной стереотипная жизнедеятельность «отключается», заменяясь «включением» многообразия всех действий, на которые способен организм животного. Это возбуждение через органы чувств (слух, зрение, обоняние) воспринимается и воспроизводится другими животными популяции, находящимися в аналогичном кризисе и в зоне восприятия сигнала.

Правда, для абсолютного большинства животных указанное аффективное возбуждение не приносит желанного биологического результата (удовлетворения жизненно необходимой потребности), поскольку эргономическая (нервно-костно-мышечная) конструкция организма может произвести соответствующий лишь ей набор действий. Повторяясь снова и снова, это возбуждение быстро приводит животное к физическому и нервному истощению и гибели точно так же, как (в изменившихся условиях) и нерезультативная прежняя стереотипная жизнедеятельность.

В чем же тогда природный биологический смысл этого возбуждения, если оно чаще всего не приносит необходимого результата? В том, что, чем большее психофизическое разнообразие поведенческих реакций может предложить новым условиям возбужденный организм, тем больше у него шансов «наткнуться» на результативную «технология» выживания. Разумеется, полученный оригинальный результативный набор этих новых поведенческих реакций тут же станет новым стереотипом. Получается, опять ничего не изменилось?

В этологическом дискурсе достаточно часто представлены примеры совместной взаимозависимой («коллективной») деятельности животных в кризисных ситуациях. Наиболее характерна и показательна для понимания и разрешения нашей проблемы такая деятельность у приматов. Если, например, в некоем сообществе

приматов обнаруживают опасность (например, хищника), всё сообщество впадает в бурное психическое эмоциональное возбуждение, поднимает невообразимый шум и гам с хватанием и бросанием всего, что находится под «руками»: сучьев, плодов, листьев, камней... Ну и что тут такого особенного? Чистая биология...

Это особенное находится, *когда знаешь, что искать*. А мы ищем подсказанный В. И. Плотниковым «коллективный» способ регулирования поведения сообщества, отличный от индивидуального, иерархического, доминантного, вожаческого.

Ясно, что сначала обнаруживает опасность одно животное. Как результат того же многомиллионного естественного отбора (кто промедлил — того съели) у данной особи происходит быстрое стереотипное возбуждение индивидуальной психики на биологически чрезвычайно значимый феномен: в нашем случае — смертельную опасность. Эмоциональная реакция первым действием выражается в громких резких звуках *на вдохе*: для успешного «ответа на вызов среды» надо сначала быстро наполнить легкие воздухом (попробуйте это сделать сами — сразу услышите, что получилось).

Вторым действием являются «неадекватные» резкие движения, весьма характерные и для млекопитающих, и для птиц, и для рыб: «неадекватные» потому, что выработанная естественным отбором «рваность» движений жертвы затрудняет пространственную ориентацию охотника, чем заметно повышает потенциальной жертве шансы на спасение.

Это чисто индивидуальная биологическая реакция, ничего социального здесь нет.

Кроме одного «незначительного» отличия: *«команду» к действию в этой особенной ситуации подает не доминирующий самец, а тот член сообщества, чувства которого наиболее обострены, что и позволило ему (ей) первым заметить опасность*: у приматов, как и у людей, к таковым относятся прежде всего беременные и кормящие самки.

Таким же образом (психическим напряжением, быстрым и бурным возбуждением, аффектом), даже еще не видя самой опасности, лишь в ответ на реакцию («неадекватное поведение», «истощный крик») заметившей опасность особи, на неё реагируют остальные

члены сообщества в зоне доступности сигнала опасности. Как следствие тех же самых механизмов действия естественного отбора и происходит хватание и бросание обезьянами всего того, что находится «под руками»: сучьев, плодов, камней, листьев и т. д., сопровождаемое, однако, уже звуками *на выдохе* [111. с. 137—141] (сегодня это отражено, например, в восточных единоборствах, где нанесение удара сопровождается обязательным резким криком на выдохе).

Еще раз: стартовая звуковая эмоциональная реакция членов нашего сообщества (вскрик) происходит из резкого *вдоха*, а последующая совместноедеятельная реакция (хватание и бросание) сопровождается звуками *на выдохе!*

После того как кризисная ситуация исчерпана, сообщество возвращается к типичной сложившейся системе совместного существования в условиях доминирования и строгой вертикальной иерархии. Однако психическое возбуждение в сообществе стихает не сразу. Возбужденное состояние особей у высокоорганизованных млекопитающих продолжается еще довольно долго и стихает неравномерно: то тут, то там продолжают раздаваться возбужденные возгласы, поддерживаемые находящимися рядом животными. И пока возбуждение не закончилось, животные не в состоянии заниматься какой-либо другой деятельностью: слишком много энергии за короткое время отнимает аффект и нужно достаточно продолжительное время, чтобы организм «пришел в норму».

Итак, внутри *одного и того же животного сообщества естественным образом* существуют два принципиально различных биологических механизма регулирования его бытия:

- 1) *индивидуальное* воздействие доминирующей особи на *отдельных* членов сообщества, находящихся на более низкой ступени иерархической лестницы;
- 2) саморегулируемое взаимодействие всех особей сообщества, которое, хотя и начинается с отдельной особи, но с необходимостью воспроизводится через *всеобщую* психоэмоциональную реакцию *при полном отсутствии* какого-либо доминирования.

Первый механизм — это стереотип сложившегося повседневного и постоянного типичного бытия, поэтому он поддерживается устойчивыми

(стереотипными) биологическими процессами у каждой особи; второй механизм «включается» в кратковременных кризисных ситуациях и требует предельных энергозатрат в короткий промежуток времени. Такой режим функционирования у животных в «нормальных» условиях невозможен в качестве устойчивого и постоянного: если он будет «включаться» чаще некоторого допустимого режима, животное погибнет от психического и физического истощения.

Но это когда стабильные условия лишь изредка сменяются кризисными. Когда же, наоборот, *кризис становится неизменным условием*, путь к спасению как аффект с нестереотипным поведением вынужденно становится *единственным способом выживания*.

Так у гоминид и возникает их *социальное как устойчивое закономерное полностью взаимозависимое существование и саморазвитие сообщества биологических особей* (в нашем случае — обезьян), *природой* которого является *аффективное групповое психическое возбуждение с одновременным нестереотипным поведением* (в нашем случае — использованием орудий и звуковым (на выдохе) сопровождением-подкреплением орудийных манипуляций).

2.2. Технология социального у гоминид

Глобальный природный катаклизм и вследствие него радикально изменившиеся экологические условия делают кризисную ситуацию всеобщим условием существования на многие тысячелетия. Основная биомасса (животные и растения) гибнет в кратчайший период; оставшиеся в живых скапливаются на небольших участках территорий, наименее пострадавших экологически и наиболее сохранивших остатки прежних условий. Например, для катаклизма типа «всемирный потоп» это возвышенности; для катаклизма типа «всемирная засуха» это низменности; для катаклизма типа «ледниковый период» это экваториальный пояс Земли и околотовулканические территории с горячими водными источниками и т. д.

Итак, «волки и овцы», обезьяны и леопарды и множество других животных и птиц, вытесненных глобальным экологическим

катаклизмом на ограниченные территории, оказываются в весьма плотном соседстве с ограниченными пищевыми ресурсами. Бежать некуда. Голод и близкое соседство хищников и пищевых конкурентов неизбежно провоцируют у обезьян стандартную биологическую реакцию для условий кризиса: аффективное психическое возбуждение с хватанием и бросанием всего, что находится «под руками».

Хотя их поведение в состоянии аффекта в основном беспорядочно и бросаемое часто летит во все стороны (в том числе и в своих), прежний (еще докризисный) биологический опыт-стереотип все же чаще направляет бросание в нужном направлении: в сторону угрозы или возможной пищи [83, с. 129; а также 75, с. 61]. Это сначала приводит к решению, как минимум, первостепенных задач обеспечения безопасности и добывания пищи. Эти задачи решаются тем, что «неадекватное поведение» обезьян (а в животном мире естественный отбор сформировал стереотип осторожного и опасливого отношения ко всему отличающемуся) и летящие в сторону хищников и пищевых конкурентов различные (в том числе и каменные: это ведь скальные породы возвышенности (при потопе); или береговая галька (при засухе), или околотовулканический обсидан) предметы отпугивают их, вынуждая отодвигаться на безопасное расстояние.

Кроме того, поскольку камни разлетаются во все стороны, они способны травмировать или даже убить кого-то из самих обезьян — членов аффективного сообщества. И наши предки, вышедшие из этого психического транса, получают мясо своего убитого сородича. Отсюда становится *понятным* последующее происхождение ритуального жертвоприношения и каннибализма.

Поскольку среди бросаемых предметов случайно попадались и удлинненно-заостренные, они давали больший эффект, чем гладкие круглые или овальные: при одинаковом весе удлинненно-заостренные предметы удобнее брать и бросать, они летят быстрее, дальше и представляют большую травмоопасность для хищников и пищевых конкурентов. Поэтому *естественный отбор* сформировал у гоминид приоритетность выбора именно таких предметов для использования. А с того момента, когда они заметили, что некоторые (например, обсидановые) предметы после бросания при ударах их

о камни раскалываются на удлинненно-заостренные, *естественный отбор* сформировал у наших предков приоритетность выбора таких предметов для их искусственного заострения раскалыванием их о камни. С этого пошло *искусство изготовления орудий*.

В кризисных условиях, порождающих жесточайшую пищевую конкуренцию, голод заставляет доминирующего самца отнимать всю находимую пищу у физически более слабых самок и детенышей. Самец имеет лучшее «качество жизни» и по другой причине: как наиболее физически крепкий, он имеет гораздо больше шансов спастись от хищников как по причине возможности быстрее скрыться в безопасное место, так и по причине лучшей возможности защитить себя физически.

Таким своим поведением доминирующий самец ставит себя по отношению к самкам и детенышам на положение тех же хищников и пищевых конкурентов. Поэтому возникающее аффективное возбуждение самок и детенышей эмоционально доминирующего самца не захватывает: у него нет для такого стресса биологических оснований, кризис его «задевает» в наименьшей степени. А поскольку в состоянии аффективного возбуждения организмы самок и детенышей, что называется, «идут вразнос», самец не в состоянии контролировать и регулировать ситуацию своими силовыми методами: как известно, в состоянии аффекта организм не воспринимает ни физическую боль, ни угрозы. Поэтому самец вынужден — во избежание все той же травмы — покинуть территорию нашего обезьяньего сообщества на время этого коллективного психоза.

А это значит, что некая группа обезьян с примитивными навыками применения орудий, «случайно-закономерно» обретя новую «технология» выживания, получает биологические преимущества и, в полном соответствии с законом естественного отбора, получает возможность решения задачи размножения.

Но все равно первые несколько миллионов лет развитие возникшей *этой социальной связи* идет очень медленно. Обретенная «социальная технология» выживания связана с тяжелой нагрузкой на психику и чрезмерными энергозатратами. После каждого такого «коллективного» аффекта сообщество довольно долго восстанавливается в своих физических силах. Поэтому обезьяны, выйдя из

стресса, продолжают свою жизнедеятельность в устоявшейся форме иерархического доминирования, а возвратившийся из временной «ссылки» доминирующий самец снова вступает в свои права и всё идет по-старому.

В силу важности данного положения для дальнейшего осмыслительного продвижения повторим ещё раз: внутри *одного и того же сообщества* приматов начинают функционировать, сменяя друг друга, *два оппозитных биологических* механизма регулирования его бытия: 1) «традиционное» иерархическое индивидуальное доминирование (типовая стереотипная биологическая связь); 2) «инновационное» саморегулируемое групповое взаимодействие с исключением из него отношений доминирования (уникальная биологическая связь по В. И. Плотникову).

Если бы кризисная ситуация вдруг быстро исчезла, как в «старые добрые времена», и вернулись прежние экологические условия, наши предки так и остались бы обезьянами. Зачем им этот тяжелейший психический стресс, если можно спокойно и привычно продолжать жить по «старым правилам»?

Но экологический кризис, порожденный глобальным катаклизмом, продолжается многие и многие тысячелетия. А это значит, что наши предки вынуждены снова и снова обращаться к этой новой «технологии» выживания. А поскольку она оказывается более эффективной, она замещает и заменяет всё больше и больше «старую жизнь». И опять же в полном соответствии со всеми биологическими законами эта новая «технология» становится новым стереотипом со всеми вытекающими последствиями, в том числе и с остановкой в развитии.

Во-вторых, инновационная технология выживания еще крайне несовершенна и опасна для самих исполнителей; её положительные биологические последствия очень ненамного превосходят ее негативные последствия: психическое истощение и физическое ослабление организмов участников, снижение полового влечения и ухудшение физического здоровья рождающихся детенышей.

2.3. Становление устойчивого сообщества гоминид

Становление элементарной социальной связи, вытеснившей половые отношения за пределы социальных, не могло никоим образом отменить действие естественного отбора. Он и действует неотвратно и беспощадно. Группа предков человека, получившая свои преимущества в форме эффективной совместной орудийной деятельности, согласно закону естественного отбора, получила и основу для количественного роста. Правда, сразу встает закономерный вопрос: если половые отношения с физическим доминированием, обеспечивающим ранее успешность выживания и биологической конкуренции, вытеснены за пределы социальных, как стало возможно размножение гоминид в новой (социальной) форме групповой регуляции?

Увеличение численности невозможно без размножения (рождаемости), а последнее невозможно без участия самца. Новая (социальная) общность *естественным* образом исключает доминирующего самца из своего состава. Самец возвращается в сообщество лишь тогда, когда прекращается действие «социальной технологии». Он неизбежно приносит с собой и прежнюю систему регулирования отношений между особями: жесткое иерархическое доминирование.

Но его «поезд уже ушел». Старая организация отношений в условиях кризиса неэффективна, ведет к гибели. И сообщество всё чаще и чаще прибегает к новой технологии выживания, в конечном итоге почти полностью вытесняя за свои пределы организацию бытия на основе доминирования самца.

Разумеется, в период своего временного (между *социально-технологическими* процедурами) присутствия в сообществе самец успевает «исполнить супружеский долг», самки беременеют, и детеныши рождаются. И созревающий у детенышей мужского пола половой инстинкт неизбежно гонит их в область сексуальных драк и стремления к доминированию. Однако до того, как они подросли до половой зрелости, они вместе со всем сообществом включались в социальную жизнь и получали соответствующий стереотип со-

циального поведения, где всякое индивидуальное доминирование исключается.

В результате подростки до половой зрелости детеныши мужского пола и сами попадают в новый дополнительный жестокий кризис — и создают кризисную ситуацию для сообщества, замедляющую его «социальный прогресс». *Биологический* половой инстинкт гонит их в область сексуальных драк и доминирования, а обретенный *социально-технологический* стереотип удерживает в сфере социальных отношений. Для разрешения этого кризиса сообщество, само существование которого этим поставлено под угрозу, вынуждено «ввести санкции» и выдворить кризисные явления (доминирование и сексуальные драки между самцами) за пределы социальной организации.

Ни о чём «моральном», «сознательном», «осознанном» или «разумном» в современном понимании данных явлений речь здесь, разумеется, не идет. Просто поведенческое проявление полового инстинкта у созревших детенышей мужского пола происходит только в перерывах между их участием в социально-технологических процедурах, а в это время в сообщество входит доминирующий самец и как физически более крепкий устанавливает свою иерархию, изгоняя из сообщества ослабленных психозом конкурентов-подростков, которые таким образом и оказываются за его пределами.

В отличие от доминирующего самца, у изгнанных подростков отсутствует опыт выживания за пределами социального сообщества. В результате они либо возвращаются в него во время очередной социально-технологической акции и живут по его правилам, либо погибают, либо пополняют (наиболее физически крепкие) сообщество диких самцов, возвращаясь к чисто биологическим отношениям. Но и возвратившихся в «социум» подростков половой инстинкт в промежутках между ритуалами снова заставляет устраивать драки между собой, с доминирующим самцом и другими самцами на периферии сообщества.

У доминирующего самца за пределами *социального* сообщества тоже жизнь непростая. «На дворе» кризис. Поскольку самец не является постоянным членом сообщества, ему приходится выживать лишь на основе прежних биологических механизмов, испытывая

непрерывное давление со стороны других самцов, со стороны общества и со стороны остальной фауны. Смена доминирующего самца в качестве брачного партнера в результате конкуренции приносит необходимое для выживания биологическое разнообразие в «наш» социум. Это продолжается *до его первого деления*.

2.4. Первое деление социального сообщества гоминид: основания и последствия

*...Я давно уже стою
На крыльчке на краю...*

**Л. Филатов,
«Про Федота-стрельца...»**

По достижении некоторого размера наше сообщество объективно обречено на разделение. Во-первых, вышеуказанный социально-технологический процесс может достаточно эффективно протекать лишь в относительно ограниченном территориальном пространстве, чтобы все участники могли быть захвачены нужным психическим состоянием и действием. И, если их становится слишком много на этом ограниченном пространстве, они *чрезмерно* искалечат друг друга во время своего коллективного аффекта.

Во-вторых, на территории обитания сообщества рано или поздно заканчивается наиболее технологичный материал (предметы для бросания подходящего веса и конфигурации, «подходящие орудия»). Разумеется, по истечении некоторого времени наши предки стали подбирать уже использованные наиболее удобные предметы и использовать их по несколько раз; или изготавливать из неудобных предметов удобные. Но это было уже потом...

В-третьих, истощается биомасса, обеспечивающая пищевой рацион сообщества¹.

¹ «Если максимальный (для каждого географического района) размер плотности населения начинает достигаться, население быстро обнаруживает нехватку пищи. Р. Карнейро отмечает, что у амуака (бассейн р. Амазонки) даже

Но для того, чтобы разделение произошло, его основание уже должно *необходимо и закономерно* находиться *внутри* самой нашей новой формы бытия, элементарной социальной связи. И оно действительно там находится и, что называется, «ждет своего часа».

Вернемся снова к поведению обезьян в кризисной ситуации. Мы помним, что психическое возбуждение в сообществе не прекращается у всех участников одновременно. Возбужденное состояние некоторых особей (в силу естественных психофизических различий в организмах наших предков) продолжается и стихает неравномерно: то тут, то там продолжают раздаваться аффективные вспышки, поддерживаемые находящимися ближе всех (но не всеми) особями. В биологически обусловленной неравномерности психического возбуждения и затухания и кроется искомое основание деления сообщества.

Пока группа достаточно мала, «команду» к действию (исходное психическое возбуждение) подает один и тот же член сообщества: ранее мы пришли к выводу, что это одна из самок. Это продолжается до тех пор, пока она дееспособна и успешна в данном плане. По мере утраты её дееспособности пост «главного технолога» занимает (замещает) другая — та, чьи особенности поведения (набор орудийных действий и звуковое сопровождение) наиболее соответствуют сложившемуся результативному стереотипу. Замещение происходит как результат *естественного отбора* группой наилучших биологических последствий исходных стереотипных возбуждений различных особей сообщества.

Итак, получив биологические преимущества, группа начинает количественно расти. Мы сейчас не можем точно сказать, до какого размера и в течение какого времени продолжался этот количественный рост *до первого* деления, но, если в научной литературе специалисты оценивают средний размер первобытного стада в 20—50 особей — а оно само уже является результатом деления и последующего роста количества, мы вправе предположить

совсем небольшие общины в 15 человек за один-два года сильно истощают запасы дичи в окрестности, из-за чего приходится время от времени перемещать деревню на расстояние нескольких миль» (Совет. этнография. 1969. № 5. С. 70. Цит по: Плотников В. И. Социально-биологическая проблема ... С. 182)

(на начальный период) некий *предельный* размер нашего сообщества перед делением в несколько десятков особей.

Поскольку теперь из-за возросшей «плотности населения» получаемый биологический результат не достигает удовлетворительного для всех уровня, а организмы у наших участников имеют различные психофизические ресурсы, то тут, то там происходят «микрогрупповые» психические аффективные возбуждения. Та же «микрогруппа», которая удовлетворилась результатом и успокоилась, вынуждена — точно так же, как хищники, доминирующий самец и пищевые конкуренты — отодвинуться от «аффектирующей» части на безопасное расстояние.

Так и происходит деление сообщества на части по основаниям деления *субъектов и времени* социальной технологии. Каждая из групп теперь имеет *своего* «главного технолога» и *свой* собственный «технологический процесс».

Принципиальное содержание социальной технологии в группе особей-«эмигрантов» то же самое, что и в той группе, от которой они отделились: да и не может быть никаким другим; стереотип— вещь чрезвычайно устойчивая. Но поскольку действие происходит уже под управлением *другого* «главного технолога» и в *другое время*, последующие изменения в технологии *неизбежны*. Значит, неизбежны и изменения в наборе звуков сопровождения и форме и ритме технологических действий («социокультурные различия»).

Сразу после деления возникает и первый конфликт «на религиозной почве». Сложившийся стереотип для осуществления «технологического процесса» требует возврата вытесненной группы на «святую землю»: «туда, где все начиналось». Однако она занята «еретиками», «неверными»: той группой особей, которые образовали свою «секту». И, хотя ритуалы в разделившихся образованиях не всегда совпадают по времени и в принципе могут обоими социумами производиться в разное время на одном и том же месте, «крестовые походы» с целью «освобождения святой земли» неизбежны.

2.5. Начало и основание любви

После разделения сообщества в отношениях полов практически ничего не меняется. Кроме одного «маленького» нюанса: теперь в конкуренции за самок одного сообщества вместе с дикими самцами начинают принимать участие самцы отделившегося, *другого, сообщества*. И они обладают определенными конкурентными преимуществами перед дикими самцами: *они лучше умеют применять орудия*, поскольку «воспитывались» в социуме, где орудийная деятельность — необходимая составляющая выживания.

С другой стороны, они проигрывают диким самцам в физической силе и опыте сексуальных драк. Да и орудия в сообществе технологически применялись лишь *тотально* (коллективно-взаимозависимо), тогда как сексуальные драки *индивидуальны*.

И здесь обретает свое значение такой элемент социализации, как *игра*. В самом процессе игры нет ничего социального; в животном мире выработался всеобщий биологический и генетически обусловленный механизм вхождения подрастающего потомства во взрослую жизнь. Подрастая, детеныши *играют*, повторяя действия взрослых (подражание). И в нашем сообществе в этом плане ничего не меняется. За одним «простым» исключением: если «собственно производственная» орудийная деятельность происходит только коллективно, взаимозависимо и только в состоянии аффекта, то за пределами социальной технологии дети в неё *играют*. А игровые действия *индивидуальны* и находятся вне сферы жесткой нормативности коллективной «производственной дисциплины». И в состоянии игры подрастающее потомство обретает и совершенствует навыки *индивидуального систематического* применения орудий. Так возникают «*социальное в индивидуальном*» (последующий «*образ жизни*») и «*индивидуальное в социальном*» (последующий «*стиль жизни*»).

Эти навыки и пригождаются впоследствии социализированным самцам в их сексуальных драках с дикими самцами и между собой. Сейчас сложно говорить, как часто на первых порах конкуренцию выигрывали те или другие. Можно лишь предположить, что, пока

навыки-технологии применения орудий были очень несовершенны, чаще побеждали дикие самцы в силу их большего опыта в подобных драках и физического превосходства. Однако по мере освоения и совершенствования орудий и технологии преимущество перешло к самцам, прошедшим социализацию.

И эти же игровые навыки индивидуального применения орудий приносятся и самкам, получающим теперь возможность отбиться *индивидуально* от нежелательного брачного партнера уже за пределами ритуала (*миф об амазонках*), чего раньше, без этих навыков, они сделать не могли. Отсюда появляется возможность *индивидуального выбора* брачного партнера и времени начала брачных отношений — основа для любви.

А поскольку половозрелые самцы за пределами спаривания имеют статус пищевых конкурентов, а в результате сексуальных драк с применением орудий получают травмы, «несовместимые с жизнью», они становятся реальной возможной добычей своих сородичей¹ — еще одно основание для последующих *ритуального каннибализма* и *мифа об амазонках*.

«Подключение» орудия к сексуальной драке имеет и еще одно основание. Как известно, сексуальные драки между самцами также являются кризисной ситуацией для их организмов и, начинаясь как физическое состязание по «правилам» биологического стереотипа, они перерастают в истерику (как тут не вспомнить наставления «отключить разум и поддаться чувствам» мастеров восточных единоборств в голливудских боевиках или «Силу» в «Звездных войнах»). А истерика для социализированного самца — это сигнал для включения процедуры применения орудия, которая «отрепетирована» им в процессе «допубертатной» социализации. Это в результате и становится решающим аргументом в его пользу в сексуальной драке.

Есть здесь и еще один принципиальный момент. Потомство, полученное от дикого самца, и потомство от самца, прошедшего социализацию, различались по сапиентным признакам: лучше выживало то потомство, которое получало своё психофизиологическое (антро-

¹ Например, регулярные убийства самцов шимпанзе сородичами с элементами каннибализма — уже доказанный факт. Но пока неизвестно, кто, как и почему это делает — только предположения...

пологическое) наследие от самца, прошедшего социализацию: это позволяло его потомству успешнее входить в социальную жизнь. Становясь более опытными в применении орудий и потому более «привлекательными» для самок с точки зрения выживания потомства, самцы, прошедшие социализацию, с течением времени в *результате естественного отбора* полностью вытеснили своих диких соперников с брачного рынка и теперь конкурировали только между собой.

Но это была уже другая конкуренция. Археологи и антропологи регулярно подтверждают факты уменьшения размера клыков у самцов гоминид по мере их движения по линии социальной эволюции, в один голос повторяя, что это означает снижение (смягчение) физической (силовой) конкуренции между самцами, но не зная, как объяснить, почему это произошло¹. Да потому и произошло, что теперь конкурировали не мускулы и клыки, а совершенство орудий, технологические навыки их применения и *художественные* (вербальные и образные технологические) *компетенции*, выраженные *искусственно: поэтически* (оригинальной конструкцией из слов-понятий, *прозой или стихами* («складно бает») — это объясняет, например, брачный феномен А. С. Пушкина — или музыкой, пением, танцем, изобразительным и боевым искусством и т. д. — это объясняет брачный феномен богемы вообще).

2.6. Разрешение парадоксов

Полученные результаты позволяют теперь нам корректно разрешить все заявленные ранее парадоксы социально-биологической проблемы.

1. *Парадокс матриархата*: «если закон естественного отбора («выживает сильнейший») абсолютен для природы (а для иных выводов нет оснований), то как силовое доминирование самца вдруг сменилось матриархатом?»

¹ См., напр., Lovejoy С. О. . The Origin of Man // Science. 1981. V. 211. P. 341—350; Бутовская М. Л., 2004. Тайны пола. Мужчина и женщина в зеркале эволюции); Предки человека не были похожи на шимпанзе // Элементы. 2009. 7 окт.

Ответ. «Команду» к социально-технологическому действию (исходное психическое аффективное возбуждение) подает одна из самок с наиболее обостренными чувствами (беременная или с детенышем). По мере её старения или в случае гибели «пост главного технолога» занимает (замещает) другая — та, чьи особенности поведения (действия и звукового сопровождения) наиболее соответствуют сложившемуся результативному стереотипу. Замещение происходит как результат *естественного отбора* группой наилучших биологических последствий исходных стереотипных возбуждений различных особей сообщества.

Поскольку первый (элементарный) этап развития социального продолжается несколько миллионов лет, «матриархат» на весь этот период и закрепляется как основной гендерный стереотип социальных отношений.

2. *Парадокс экзогамии («Кавказская пленница»)*: кто и как мог запретить доминирующему самцу спариваться со своим окружением противоположного пола и вынудить его искать партнерш «на стороне»?

Ответ. Биологически более эффективная по сравнению с системой доминирования технология выживания в форме взаимосвязанной орудийной деятельности заместила силовое индивидуальное доминирование как биологически менее эффективное. Поэтому спаривание стало возможно только за пределами «социальной технологии» родовой общины.

3. *Парадокс ритуала*: почему ритуалы (групповые аффективные психозы до полного изнеможения), ослабляя физически и психически членов сообщества, не погубили первобытное общество, а подняли человека на вершину «пищевой цепочки»?

Ответ. Потому что в ритуале происходило получение важнейших биологических результатов: предотвращение внешних угроз физической гибели и получение пищи. Летящие камни и другие предметы и «неадекватное поведение» отпугивали хищников, вынуждая их отодвигаться на почтительное расстояние и искать другие, менее травмоопасные жертвы; а вместе с хищниками травмоопасную территорию покидали и все другие пищевые конкуренты, освобождая её для наших предков.

4. *Парадокс речи*: если человек произошел от обезьяны естественным образом, то почему он стал «звучать» на выдохе, а не на вдохе, как его предки-обезьяны?

Ответ. «Звучание» на выдохе сопровождало и поддерживало новую технологию выживания: элементарную социальную связь. Осуществление орудийной деятельности физиологически порождало звуки на выдохе. Когда прекращалась социальная деятельность, человек звучал на вдохе, как и все его предки-обезьяны. Когда более успешная технология выживания в форме взаимосвязанной орудийной деятельности в конечном итоге стала занимать практически всё время функционирования сообщества, «звучание» на выдохе стало преимущественным, оставив «звучание» на вдохе лишь в области эмоций (страха, голода, желания спариться, неудовлетворенности...).

5. *Парадокс понятия*: откуда понятия появились в сознании, если их нет в природе?

Ответ. «Звучание» на выдохе, сопровождающее и поддерживающее социальную технологию выживания, означало нормативное требование для всех членов сообщества (первобытного стада, родовой общины): согласованное осуществление орудийной деятельности. Оно и есть первое обобщение: общезначимое и регулятивное, всем «понятное» психофизическое образование (понятие).

Когда более успешная технология выживания в форме взаимосвязанной орудийной деятельности, организуемой всем «понятными» психофизическими феноменами (звуками на выдохе соответствующего орудийной деятельности содержания, *понятиями*) стала занимать практически всё время функционирования сообщества, сигналы и знаки понятий стали преобладать над знаками и сигналами эмоций.

6. *Парадокс первобытного стада*: каким образом сообщество обезьян размером максимум до 15 особей и с доминированием самца превратилось в первобытное стадо размером от 20 до 50 особей, да еще и с матриархатом? Или как неустойчивые сообщества обезьян стали устойчивыми первобытными стадами людей? И что было основанием устойчивости?

Ответ. Получив за счет социальной технологии конкурентные биологические преимущества, группа начинает количественно ра-

сти, а исключение из социума элемента силового доминирования самцов предотвращает дробление этого первичного социума на гаремы, брачные пары и одиночек. Элементарная социальная связь становится новым стереотипом и, соответственно, основанием устойчивости.

7. Парадокс энергопотребления: что произошло в организме обезьяны, что «в социальной жизни» он стал потреблять в 4,5 раза больше энергии? И на что это дополнительное энергопотребление расходовалось, если масса тела человекообразных обезьян и первобытных людей была одинакова? И почему этот «скачок напряжения» не спровоцировал «короткое замыкание» в «энергосистеме» организма? И почему организм не умер от голода при таком возрастании потребности в калориях?

Ответы. Потому, что психическое аффективное возбуждение организма физиологически требует для своих реакций в несколько раз больше энергии, чем стереотипные физические действия. А «короткого замыкания» в «энергосистеме» не происходит потому, что в организме заложены резервные возможности дополнительного энергопотребления, которые «отдыхают» при стереотипном поведении и включаются при психическом аффективном возбуждении в кризисной ситуации, а также имеется и психофизиологический «предохранитель» (обморок), который включается, когда резервные каналы не справляются с повышенной нагрузкой энергопотребления, чем и спасает психику от «замыкания». А тот факт, что наши предки не умерли от голода, говорит только о том, что биологическая эффективность «инновационной социальной технологии» была намного выше, чем эффективность прежнего биологического стереотипа: поэтому и произошел «прорыв» обезьяны «на верхний уровень».

3. ПОНЯТИЕ ОБЩЕСТВА

3.1. Общество как социальное

Итак, *наше социальное* происходит из *уникальной биологической связи* (УБС), представляющей собой соединение в *одном действии* сразу нескольких достаточно обычных для жизнедеятельности обезьян *индивидуальных биологических феноменов*: 1) *сообщественного бытия*; 2) *аффективного психического возбуждения*; 3) *применения орудий*; 4) *звукового сопровождения на выдохе орудийной деятельности*. Уникальность же УБС в том, что данные феномены, происходящие прежде лишь по отдельности или (реже) попарно и (ещё реже) по трое, теперь происходят *все четыре вместе и одновременно* — хотя и лишь в кратковременной кризисной ситуации, распавшаяся обратно на отдельные явления по её завершении. Но в условиях глобального кризиса бытия наших предков уникальная биологическая связь *закономерно и объективно* становится *основной*, замещая прежние стереотипы животного поведения. *Закономерность* УБС происходит из естественного отбора, пропускающего к выживанию только наиболее конкурентоспособные формы бытия; *объективность* происходит из тотальной взаимозависимости особей, составляющих УБС.

Эта более высокая — по сравнению с системой доминирования и жесткой вертикальной иерархии — эффективность УБС в качестве способа выживания и обусловила становление *в природе* («*Объективной Идеи*» по Гегелю) новой формы организации бытия сообщества гоминид: *Элементарной Социальной Связи* (ЭСС). Это значит, что Гегель, уловивший 200 лет тому назад эвристическую перспективность *Идеи* в качестве *Всеобщего Начала* [23, с. 288], еще раз подтвердил непреходящую ценность классической философской культуры, ибо УБС-ЭСС и есть *первая Идея* как процесс

разрешения кризиса («диалектика») *Бытия-Небытия*: в нашем случае *Идея* есть разрешение кризиса *биологического Бытия* наших предков посредством *возникновения и становления* внутри него и из него *другого Бытия*: *Социального как тотально взаимозависимой (связной) орудийной деятельности*, в которой *взаимозависимость (связь) бытует* в форме звуко-визуальных *Образов*: совместного сопровождения-подкрепления звуками на выдохе (*Речью*) технологичных движений тел гоминид.

Кроме этого — хотя и очень авторитетного, но все же «идеалистического» — гегелевского провидения *Идеи* в качестве *Начала Всеобщего* у нас есть этому и «спекулятивно-материалистическое»¹ [22, с. 36—37] *эмпирическое* подтверждение. Ведь когда мы восклицаем: «Идея-а-а-а-а-а-а!»? Когда находим решение *значимой* проблемы — а ведь именно это и произошло у наших обезьян в момент глубочайшего кризиса их обезьяньего *Бытия*.

С момента установления ЭСС *основной* связью (*основанием*) *Социальное Бытие гоминид* становится *Общественным Бытием Людей-Человеков*, а *Элементарная Социальная Связь (ЭСС)* становится *Общественной Связью (ОС)*. Это позволяет нам *определенно* развести понятия «*социального*» и «*общественного*».

Социальное (социальная связь как основание) есть *тотальная связь биологических особей*: тотально взаимозависимое (связное) бытие организмов любого класса (простейших, насекомых, птиц, животных), *независимо* от того, какая *связь* (или их (связей) комбинация) находится в основании данной тотальной взаимозависимости: генетическая, звуковая, визуальная, запаховая, гравитационная, телепатическая, астральная, электромагнитная...

Исчезли ведь *ВСЕ* рыжие тараканы из наших квартир с появлением мобильных телефонов², значит, их излучение нарушило

¹ «Спекулятивное» у Гегеля — это «схватывание в Понятии» («Абсолютной Идеей») «субъективного и объективного духа» (сознания и природы).

² Правда, до эпохи «мобильников» те же самые тараканы собирались сотнями внутри телевизоров, радиоприемников и магнитофонов... То есть электромагнитные частоты этих устройств тараканам несколько не мешали, а, возможно, даже были приятны: иначе зачем бы они там «кучковались»... Когда биологи, биофизики и радиофизики разберутся с биофизическими механизмами про-

их (тараканов) *всеобщую* связь. Отсюда теоретически возможно и межклассовое биологическое социальное — разумеется, не в том плане, что паразиты тотально зависимы от животных, а хищники от травоядных — а в плане симбиозов (взаимной необходимости особей различных классов).

3.2. Становление и разделение труда

Действительность социальной связи есть её *работа как обеспечение взаимодействия её частей-элементов (биологических особей и их функциональных групп* (например, в муравейнике муравьи-«рабочие» и муравьи-«солдаты»)) по её самовоспроизводству; то есть *социальное существует* только до тех пор, пока *связь работает*.

Общественное же (общественная связь как основание) есть *Социальная (социальная связь), основанием которого(ой) является Техно-Логичная Работа, тотально взаимозависимое (связное) Бытие Людей-Человеков* как: 1) *Работа — Труд физический* (совместные орудийные действия — «Техно»); 2) *Работа — Труд умственный* (*Речь*: совместные с *Трудом физическим* звуки-«подкрепители» на выдохе — «Логия»). То есть *Труд* есть *Общественная Работа; Работа Общества* как особенной формы *Социального*.

Или — что то же самое — *Общество* есть *Социальное* сообщество гоминид на основе *Труда*¹.

изводства, передачи и приема тараканами электромагнитных колебаний, у нас отпадет надобность в смартфонах, айфонах, суперкомпьютерах и спутниках связи: мы сами сможем стать ими всеми одновременно... Чем вам не телепатия? Кстати, тема «на миллион долларов» для комплексного проекта РФФИ.

¹ Сегодня, правда, Труд физический все чаще представлен в Обществе без орудий (танец, боевое искусство, некоторые ритуалы (например, молитва с поклонами), физические упражнения и т. п.), а Труд умственный — как орудийные действия (рукописание — печатание — работа с компьютерной техникой). А это означает, что функциональное разделение труда на умственный и физический, возникшее в процессе эволюции общества (об этом далее), снова возвращается к их единству — как и в момент их происхождения. «Отрицание отрицания» на новом витке спирали развития: опять Гегель оказывается прав!

Далее у нас речь будет идти только об *Обществе*, а использование категории «социального» будет только в смысле «общественного» и только потому, что во многих привычных (стереотипных) словосочетаниях типа «социальная группа», «социум», «социальная политика», «социальная технология», «социальные службы» и т. п. социальное по вкладываемому в него дискурсивному смыслу более общественно, чем само общественное.

А вообще ситуация получается достаточно комичная: общественное, будучи частным случаем социального, в дискурсе является как общее по отношению к социальному (например, слоган «общество в целом» по отношению к «социальной группе» и т. п.)... Это как Земля, будучи всего лишь элементом одной планетной системы, является непосредственному восприятию центром мироздания... Впрочем, для общества это типично: достаточно посмотреть на «пертурбации интертрепаций» нашей истории.

Действительность *Общественной Связи* (ОС) определяется Ритуалом, который есть обязательный для всех Труд, организуемый первым «социальным технологом»: шаманом¹. Биологическую эффективность Труда-Ритуала отражает расширенное воспроизводство организмов *Людей-Человеков*; «социальную» (общественную) эффективность Труда-Ритуала отражает устойчивость и расширенное воспроизводство и расселение по Ойкумене новой формы бытия *Людей-Человеков*.

Ритуал провоцируется Трудом одной особи («Субъективной Идеей» по Гегелю), в который (Труд) включаются в результате все окружающие, опять-таки — в полном соответствии с биологической организацией психики животных. В соответствии с тем следствием естественного отбора, что популяция, оказавшаяся в более благоприятных условиях, интенсивнее размножается, количественный рост нашей популяции, сложившейся на основе Труда-Ритуала, обусловил становление устойчивого первобытного стада — *Общества*. И возникающие кризисы перенаселенности разрешались те-

¹ Отсюда же становится понятным психический механизм гипнотического воздействия, которое и есть не что иное, как набор звуковизуальных образов-манипуляций, производимых шаманом по «отключению» стереотипов животной психики у человека и «включению» ритуальных стереотипов.

перь делением стада по *социальному основанию* появления внутри и из ОС другой ОС: субъекта, времени и места «микроруппового» (*частного*) Труда, обретающего после деления статус *Общественного* (другой *Идеи*). С этого же момента первого деления ОС *Речь* распадается на *Диалекты*, потом на *Наречия*, потом на *Языки* — основания *Язычества* (об этом — далее).

Ритуалом же задается и *Норма-тивность* поведения, а шаман(ка) обретает статус человека-*Личности* как «совокупности общественных отношений» (К. Маркс) [59. С.3].

Действительностью *Личности* являются *Идеал* и *Идол*: *Идеал* как *лидер*, эффективный *Социальный Техно-Лог*, провоцирующий своим *Трудом* достижение *Обществом* жизненно необходимых социальных и биологических результатов; а *Идол* — как *Тиран* [120], требующий абсолютного подчинения общества-стада (ОС) *Техно-Логии Ритуального* поведения (соблюдения-исполнения *Нормы*). На этом основании происходит очередное *Разделение Труда* на *Труд шаманов* и *Труд вождей* — жречества и тирании — власти духовной и власти светской — церкви и государства.

Отсюда *Власть* — это *Труд Личности* как реализация *Идеи*, а «роль *Личности* в истории» — это размер *Власти Личности* как количество *Идейных* последователей *Личности*: количество *Людей* (*Человек*), *Трудящихся* на основе *Идей Личности*.

Поскольку теперь духовную и светскую жизнь общества регулируют *разные Личности*, они обретают статус *Политиков* тем, что с этого момента и начинается: 1) *внутренняя Политика* как борьба за *Власть Личностей-Политиков* духовных и *Личностей-Политиков светских* методами *воспитания Идейных* последователей; и 2) *внешняя Политика* как деятельность указанных *Личностей* в интересах *Мира*¹ в конкуренции — сотрудничестве с другими обществами-*Мирами*, где сотрудничество осуществляется — как минимум — через взаимную поставку (обмен) брачных партнеров (экзогамию), привносящих с собой в каждый новый *Мир* другие *Техно-Логии*, обеспечивающие ускорение развития.

¹ Здесь «Мир» употребляется в своем изначальном смысле «общины» («На миру и смерть красна»).

3.3. Логика сознания и духа

Сформулированные-сформированные *Личностью шамана(ки)* (*Идеалом-Идолем-Лидером-Тираном*) и усвоенные индивидами ОС эффективные *Техно-Логические Образы (Идеи-Нормы)* закрепляются в *Понятиях* как общезначимых (*всеобщих, общественных*) стереотипах, которые — в отличие от биологических стереотипов — существуют только *объективно, надиндивидуально*, воспроизводя *общественное уже с необходимостью, законо-мерно*. Так возникает *Со-знание: совместное знание как Со-Глас-ованные Понятия, Идеи-Нормы*, для всех индивидов, которые с этим обретают *Свободу как о-Сознанную необходимость* (Гегель) [21, с. 339], замену тотальности биологического бытия на тотальность бытия *Общественного*.

Встает, правда, вопрос: если тотальности просто сменяют одна другую, то какая уж тут *Свобода*? А такая, что если тотальность биологического бытия *трансцендентна* [43, с. 173], то тотальность *общественного бытия трансцендентальна* [43, с. 180], что в переводе с Канта на «нормальный человеческий» язык означает, что тотальность биологического бытия (естественный отбор) происходит из экологических условий, «внешнего мира», тогда как тотальность бытия *общественного* есть функция самого *Общества*, его *Самость* [18, с. 257]; а *Самость* («возможность быть самим собой») и есть *Свобода*. Но *действительно свободна только Личность!*

Личность наполняет *Понятиями Идею — Норму — Сознание* до ее (личности) перехода в *общественное небытие*: прекращения лидерства в результате снижения социальной эффективности по любой причине: старения ли, увечья, изменения внешних условий, гибели и т.п.. Знаком перехода в *общественное небытие Личности* является замена *шамана*: при снижении эффективности *Техно-Логии (Труда-Ритуала)* ниже *Нормы* известной является практика убийства или изгнания соплеменниками своих шаманов, не разрешивших кризисную для *Общества* ситуацию.

Но каждая последующая *Личность*, приходящая на замену, уже теряет абсолютный статус *Идеала-Идола* и становится фигурой бо-

лее низкого статуса, лишь *Личностью*-посредником (медиумом) между *Обществом* и *Идеей*. А ушедшая *Личность*, наоборот, обретает более высокий статус: статус *Духа*, *надиндивидуальной объективной (духовной) тотальности: силы-воли-Духа*, определяющей и регулирующей взаимозависимое поведение индивидов в обществе через ставшие *объективными Идею — Норму — Сознание*.

Соответственно своей дуальной сущности *Идеала-Идола*, *Дух* обретает и две своих исходных *Моральных* ипостаси: *Дух-Добро* («добрый дух») и *Дух-Зло* («злой дух»). Если *Личность* ушла как *Идеал* («*Приносящий Благо*», «*Благотворитель*», «*Благодетель*», «*Спаситель*»), её *Образ* обретает статус *Добра* («*доброго духа*»). Если же *Личность* ушла как *Идол* (*Тирания* подчинения без получения в результате обществом компенсирующего *Тиранию* необходимого для существования количества *Благ*), она обретает статус *Зла* («*злого духа*»).

Уход *Личности* как *Идеала* возможен только «на пике славы»: пока её лидерство эффективно, у *Общества* нет оснований для её замены. Это значит, что уход *Идеала* происходит либо мученически-героически, либо случайно-внезапно. Отсюда *понятна святость героев и великомучеников*.

А вот при естественном старении или при заболевании *Личность* рано или поздно перестает соответствовать *Образу Идеала* просто в силу физической утраты нужных способностей и неизбежно становится *Идолом— Злом*.

То есть *Добро* и *Зло* становятся *Мерой Личности*. Из соотношения в *Личности Добра* и *Зла* происходят изначальные *Достоинства* и *неДостатки Личности*: *Добродетель* как такая мера-гармония в *Личности Добра* и *Зла*, которая обществу «во-*Благо*» с её (*Личности*) последующей *Блаженностью*; и *Порок* как их (*Добра* и *Зла* в *Личности*) чрезмерность-дисгармония, которая обществу «во-*Вред*».

С *Разделения Труда Личности* на труд *Личности-духовного лидера (Идеала)* и труд *Личности-Тирана (Идола)* — как индивидов — *физических Личностей (физических Лиц)* — *Норма* делится, соответственно, на *Норму Морали* и *Норму Права*.

Добродетели Личности образуют её *Праведность*, а *Пороки* — *Грешность*; соотношение *Добродетелей* и *Пороков Личности*

определяется конкретно-исторической *Мерой* приносимых ею *Благ и Вреда*, после чего обществом ей присваивается ранг *Праведника* или *Грешника* с последующими *Идеализацией* (причислением *Праведника* к *Идее Добрых Духов* — «лику святых») и *Добродетельных-неПорочных*) или *Анафемизацией* (исключением *Грешной Личности* из общества с последующим (после ее ухода) причислением *Личности* к *Идее Злых Духов*)¹.

Поскольку биологические психо-физиологические различия индивидов неизбежно порождают неравенство в размере получаемых *Блага-Вреда*, в обществе формируется разное индивидуальное восприятие (*Оценка*) соотношения в *Личности благо-творительности* и *деструктивности*, конкретно-историческая мера её *Добродетелей* и *Пороков, Достоинств* и *не-Достатков*. Возникает *Ценность* как *Мера «блажности-вредности»* результатов *Труда Личности*.

С этого момента начинается *Социализация* как разрешение противоречия между *Нормой* и *Ценностью*: *Нормой* как *социально эффективной* конкретно-исторической *Мерой Праведности* и *Грешности, Добра* и *Зла, Добродетелей* и *Пороков, Достоинств* и *не-Достатков* — и *Ценностью* как *индивидуально значимой* их же конкретно-исторической *Мерой*. В результате естественного отбора обществом *Норм* и *Ценностей* в нём устанавливаются их некие *общепринятые* конкретно-исторические *общественно со-глас-ованные Меры: Нравы*.

Содержание и диалектику *Нравов* образуют: 1) *Ценные Нормы* и *Нормативные Ценности (Праведность)* — *Нравственность*; и 2) *не-Ценные Нормы* и *не-Нормативные Ценности (Грешность)* — *без-Нравственность*. *Мера-диалектика* — *со-глас-ование Нравственности* — *без-Нравственности-Праведности-Грешности* образуют *Моду*. *Мера-диалектика* — *со-глас-ование Нормативных* и *не-Нормативных Ценностей* образуют *Индивидуальность; Ценных* и *не-Ценных Норм* — *Общественное мнение*.

¹ В этом плане становится понятным сакральный смысл «святой троицы» («Бог-Отец, Бог-Сын и Бог — Дух Святой): обретшая статус Духа Личность (Бог-Отец) оставила после себя Идею (Бог — Дух Святой) и медиума-посредника (священника-жреца-шамана), реализующего эту Идею в практику общественного бытия (Бог-Сын) в непрерывном процессе восхождения Личности от Бога-Сына к Богу-Отцу через Дух Святой и обратно.

3.4. Логика религии и культуры

Личность, обретшая статус Духа, отражается в Со-знании в образе Мифа-Бога как антропоморфный (человекоподобный) Идеал-Идол, объективный субъект-носитель-выразитель духовного — Идеи-Слова-Понятия: «...И Слово было Бог».

С развитием и увеличением в Со-знании количества Идеи-Понятий-Слов растет и число Духов, формируя Духовный Мир Человека: Идеальное. Идеальное как Идея-Миф-Бог с сущностями Идеала и Идола производит: 1) Веру как устойчивую эффективную результативность (обретение Благ) следования Идеалу; 2) Культ как тиранию Идола. Культ и Вера предполагают друг друга, как Север и Юг, плюс и минуса, широкое и узкое и т. д.

В процессе становления цивилизаций из народов, народов из народностей, народностей из этносов, этносов из кланов, кланов из племен, племен из родов, родов из первобытных стад при каждом последующем слиянии у органов социального управления (светской и духовной властей: вождей-тиранов-базилевсов-царей и шаманов-жрецов-иерархов) при ассимиляции Миров-общин происходит естественный отбор Идеи-Духов-Мифов-Богов с последующим формированием оптимального их набора.

Из Веры и Кulta происходят: 1) Религия¹ как всеобщая социальная связь², всеобщая Социальная Норма; как общественное (объективное) требование следования накопленному обществом набору понятий — «Слову Божьему»; 2) Культура как нормативный образец, образ эффективного исполнения этой всеобщей социальной нормы, системы понятий, всеобщее общественное воспроизводство; 3) Логика (Логос) как Идея-согласование (толкование понятий) Религии и Культуры; «Слова Божьего» (власти духовной) и «Помазанника Божьего» (власти светской).

¹ Язычество возникает при объединении племен в народ, когда богов становится много. Единая религия одного бога возникает как потребность цивилизации, которой нужны единые нормы для эффективного централизованного управления.

² Древнейшее значение латинского *religa* и древнерусского «релига» — «вервь», «связь», «связка».

Религию как всеобщую социальную норму, составляют 1) игровые (необязательные: обычаи, обряды, традиции) и 2) ритуальные (каноны) нормы социального регулирования. Из первых вырастает социальный институт праздников; из вторых — социальный институт обеспечения и обслуживания канонов — Церковь.

Культуру как всеобщее общественное воспроизводство составляют: 1) естественное воспроизводство (регулируемые Религией половые и межпоколенные отношения); 2) социализация (воспроизводство общественного, регулируемые духовной и светской властями (церковью и государством, Моралью и Правом) Трудовые отношения.

Логику составляют «физика» («естественные науки») и «метафизика» (философия-богословие-обществознание).

Естественное воспроизводство (рождаемость) регулируют: 1) брачные нормы («законный брак»); 2) брачные ценности (любовь, секс) 3) брачная Мода (моногамия, полигамия, полиандрия...). На начальных стадиях развития общества конкурирующие самцы демонстрируют свою привлекательность как сообразность новым (социальным) нормам межполовых отношений в культуре самопрезентаций своих социально-технологических достижений и навыков (украшений; технологичных движений — будущих танцев; звучания на выдохе — будущей речи, поэм и песен) и биологических особенностей (физической силы и глубины эмоций (вздохи на вдохе)). И именно поэтому в наименее цивилизованных племенах мужчины гораздо чаще и больше носят украшения, танцуют и поют, чем женщины: украшения, песни и танцы есть презентация их (мужчин) социокультурной технологичности и, следовательно, будущей выживаемости полученного от них потомства: более привлекателен тот партнер, который делает это более разнообразно (играя) — но в рамках Меры нормы и ценности, нравственности — безнравственности, то есть — модно.

Со временем у мужчин культурные (социально-технологические) презенты (украшения, танцевальные движения и речь) — как более предпочитаемые противоположным полом — всё более замещают и вытесняют биологические (физическую силу и эмоции). Появление в последние тысячелетия универсальных презентов (денег и

украшений из драгоценных камней и металлов) стало замещать ими мужские украшения из зубов, камней и раковин. Отсюда становится понятной подсознательная страсть к ним женщин: дорогие украшения повышают гарантии выживания потомства как обеспечение его актуально и по наследству набором универсальных культурно-технологических ресурсов.

Социализацию обеспечивают: 1) издаваемые в процессе *Труда умственного* наборы технологических звуков на выдохе (слова, понятия), вырастающих в культуру *Речи* и культуру звучания (пения); 2) производимые в процессе *Труда физического* технологические телодвижения, вырастающие в культуру танца, «культуру производства» и культуру боевых искусств.

Культуру как социализацию (всеобщее общественное воспроизводство) составляют: 1) *Искусство (воспроизводство художественных образов-образцов, духовных благ)*; и 2) *Хозяйство (воспроизводство «материальных» благ)*.

3.5. Логика семьи

О российской *семье* отечественной фамилистикой собрано не меньше данных, чем их собрано всей мировой историей, археологией, антропологией и этнографией о древнем обществе. Половина этих данных о том, что в *семье* плохо, насколько плохо и каким образом это семейное «плохо» отражается на *обществе*: другая половина — о структуре и функциях *семьи*.

Слоган «здоровая семья — здоровое общество» общеизвестен. Однако мы снова вынуждены замечать, что «известное не есть познанное». Властные структуры, политические и общественные организации испытывают весьма серьезные трудности в формулировании адекватных целей и задач семейной политики. Основной причиной такого положения является отсутствие *логики* этой самой «здоровой» *семьи*, данных о «предельном минимуме предпосылок» (В. И. Плотников) её «здоровья», то есть данных о том, какова этой семье *основная связь*; чем и насколько «здоровая» семья отличается

от «нездоровой» и, соответственно, какие именно социальные процессы, в каком направлении и в какой степени «работают» на семейное благополучие или против него.

Когда Гегель в «Философии духа» представляет семью как одно из проявлений («эманацию») духа, ее сущность он видит в духовном определении отношения полов, единении любви и чувства взаимного доверия, в которых личности соединяются в «одно лицо». Устойчивая система отношений в семье и между семьями как «единными лицами» («развитая в себе тотальность связи») и «есть государство в качестве гражданского общества». Эта «тотальность связи» представляет собой процесс, в котором «дети выходят из конкретной жизненности семьи, к которой они первоначально принадлежат <...>, но предназначены к тому, чтобы основать новую столь же действительную семью» [20, с. 341, 342]. То есть «действительная семья» по Гегелю воспроизводится через своих детей, формируя тем самым и «государство в качестве гражданского общества».

И больше Гегель этой темой не занимается, посчитав ее *логически исчерпанной*. Действительно, о чем здесь еще говорить? Ведь понятно, что семья, в которой личности не соединились в «одно лицо» и которая *не производит* детей, способных снова создать *действительную семью* (или производит детей, *не способных* к этому, что, в сущности, для общества одно и то же) и не выполняет тем самым своего «предназначения», есть семья *«недействительная»*, поскольку представляет собой *неестественное* состояние «духа», мгновенную (по историческим меркам) гибель цивилизации вследствие депопуляции и (или) духовно-культурного коллапса.

В переводе на «простой человеческий» язык это означает, что *действительная семья* — это семья, в которой происходит удовлетворение *основных* потребностей *одновременно* трех всеобщих «субъектов социального действия»: индивида, самой этой семьи и общества.

Основные потребности *индивида* в семье — это «чувствовать себя любимым», «обсуждать что-либо важное», «удовлетворять сексуальные потребности» [117, с. 164]. Смотрим у Гегеля: «Духовное определение отношения полов, единение любви и чувства взаимного доверия...» [20, с. 341]

Основные потребности *общества* в семье — воспроизводство и социализация индивидов (тут и ссылок не надо: *все (!)* современные источники об этом). Смотрим у Гегеля: «Дети выходят из конкретной жизненности семьи, к которой они первоначально принадлежат <...>, но предназначены к тому, чтобы основать новую столь же действительную семью» [20, с. 342].

Основной потребностью *отдельной семьи* является ее самосохранение («семейный лад») (об этом тоже *почти* все источники). У Гегеля: «... в которых личности соединяются в «одно лицо» [20, с. 341].

Так мы и получаем «цельный», «монистический» логический образ семьи в единстве ее теоретической и эмпирической («макро» и «микро» социологической) составляющих.

Удовлетворение потребностей «субъектов социального действия» в семье и ее посредством в социологии семьи обычно называется исполнением функций семьи. Исследование этих функций позволяет развернуть содержание семейного благополучия как отдельных субъектов социального действия (института, группы, индивида), так и общества в целом. Если, например, исходить из основных функций института государства («обеспечение стабильности, устойчивости и социального порядка в обществе», «социального контроля» [38, с. 385], то его основной потребностью, удовлетворяемой посредством исполнения семьей ее функций, является оптимальное воспроизводство законопослушных и эффективных налогоплательщиков и молодых здоровых «организмов» для армии и полиции. Поэтому семейное благополучие института государства определяется уровнем воспроизводства и первичной социализации, а соответствующими функциями семьи, удовлетворяющими данные потребности, являются генеративная, первичного социального контроля, воспитательная и образовательная.

Основной потребностью института образования, удовлетворяемой семьей и в семье, является обеспечение необходимого уровня первичной социализации, позволяющего соответствующим институциональным структурам (образовательным организациям) обеспечивать интеллектуальное воспроизводство, формировать познавательную культуру новых поколений людей, «наделять

их сообщество коммуникативными и интерактивными связями». И тогда уровень семейного благополучия для института образования определяется долей членов семьи, обладающих соответствующим уровнем знаний, умений и навыков.

Основной функцией института здравоохранения является обеспечение физического и психического здоровья населения. Удовлетворяющей эту потребность функцией семьи является обеспечение физической и психической поддержки членов семьи. И тогда уровень семейного благополучия для института здравоохранения определяется долей членов семьи, обладающих соответствующим здоровьем.

По этой общей схеме («основная функция института — потребность института в исполнении соответствующей функции семьей — качество исполнения этой функции семьей») мы получаем принципиальную возможность оценить семейное благополучие и других социальных институтов. Однако удовлетворяемые в семье потребности разных институтов часто не соответствуют и даже противоречат друг другу. Поэтому исполнение семьей одной и той же функции будет вести к росту семейного благополучия для одного института и одновременно снижению семейного благополучия другого (или других). Например, для качественного исполнения основной функции института образования (передача когнитивного «багажа» от поколения к поколению) в целом безразличен уровень воспроизводства населения, а в определенные периоды его расширенное воспроизводство даже вредно: так, чтобы сегодня российские учащиеся могли получать достойный уровень образования, их должно быть меньше в несколько раз: тогда уровень обеспеченности компьютерами, приборами, помещениями, учебниками и квалифицированными педагогами будет ближе к цивилизованному. Наоборот, первоочередные потребности современного российского государства состоят в расширенном воспроизводстве населения, что совсем не на пользу как институту образования, так и здравоохранению, возможности которых в России сегодня пока еще ограничены, несмотря на реализуемые здесь многочисленные «национальные проекты».

Аналогичным образом (через удовлетворение семьей их потребностей) может быть развернуто семейное благополучие различных

социальных групп. Основные функции, исполняемые социальной группой, также делятся на удовлетворяющие потребности индивида и удовлетворяющие общественные потребности. Удовлетворение потребностей индивидов группа осуществляет через функции непосредственной коммуникации, принадлежности, общения; удовлетворение потребностей общества — прежде всего через функцию социализации. Семья как малая группа удовлетворяет эти потребности общества через исполнение трудовой, экономической и хозяйственно-бытовой функций; обеспечивает накопление, приобретение социального опыта хозяйствования, распределение обязанностей, бюджета, передачи данного опыта по наследству, управление различными формами жизнедеятельности семьи, психологические стереотипы поведения; удовлетворение потребностей индивида идет через реализацию функций духовного общения, рекреации, интимности.

Как и в отношениях между институтами, семейное благополучие и здесь противоречиво и разнонаправлено. Благополучие индивида в сфере духовного общения по его личным интересам выступает препятствием для общения с детьми и близкими. Семейное благополучие самой семьи как группы в самосохранении ее «действительности» противоречит институциональной функции воспроизводства выбывающих из строя в результате военных действий солдат и сокращению таким образом доли мужчин относительно доли женщин со всеми вытекающими отсюда общеизвестными негативными последствиями.

Семейное благополучие индивида определяется через реализацию семьей прежде всего гедонистической («фелицистической»; то, что называется «счастьем в личной жизни») функции. Основным индикатором здесь супругами называется обычно «положительная оценка брака», которая связывается с возможностью «чувствовать себя любимым», «удовлетворять сексуальные потребности»... Рекреационная (психотерапевтическая) функция обеспечивает социальную защищенность человека, «принятие его личности независимо от социального статуса, карьеры, таланта, реализует социальные роли отца-матери, сына-дочери, бабушки-дедушки и т. д., создает условия для восполнения психологических и физических сил».

Полученные теоретические результаты позволяют нам теперь определить содержательную сферу группы других понятийных конструкций, логически «напрашивающихся» из связи категорий «семьи» и «благополучия» и используемых в литературе. К ним относятся «благополучная семья», «благополучие семьи» и «благополучие в семье».

Исследование содержания понятия «благополучная семья» показывает его преимущественную принадлежность к *институциональной* сфере социальной реальности, поскольку сам феномен «благополучной семьи» формируется на основе оценок, «выставляемых» семье с позиции степени соответствия ее функционирования внутриинституциональным ценностям и стандартам. Поэтому с точки зрения разных институтов данное понятие имеет разное содержание, хотя и совпадающее в некоторых его частях.

То есть «благополучная семья» есть положительное представление о семье институционально ограниченного субъекта, *институционально определенный феномен семейного благополучия*. А поскольку она имеет разное содержание с точек зрения различных институциональных структур, постольку сам образ «благополучной семьи» объективно является весьма противоречивым, и это главная причина отсутствия ее удовлетворительного определения в социологической литературе: сколько в обществе социальных институтов — столько и образов-акцентов «благополучной семьи».

Понятийное образование «благополучие семьи» обычно представляет собой степень соответствия семьи некоторому идеальному всеобщему «семейному» образу; или цель и потребность общества, институтов, организаций, самих членов семьи и несемейных граждан, то есть всех субъектов социального действия. В отличие от *семейного благополучия*, представляющего собой удовлетворение семьей потребностей субъектов социального действия, *благополучие семьи* есть ее собственное состояние среди и в оценках указанных субъектов, в том числе и самой семьи. Иначе говоря, благополучие семьи есть удовлетворение потребностей семьи (во всех ее «ипостасях»: общности, института, организации, группы, сферы личной жизнедеятельности индивидов) другими (совместно с самой семьей) субъектами социального действия.

Так, например, институт государства обеспечивает (или не обеспечивает) удовлетворение потребности семьи в «семьесообразном» государственном устройстве, эффективном семейном законодательстве и его соблюдении; институт здравоохранения — в поддержании здоровья членов семьи; институт семьи — в ее общественной значимости и так далее. Организация (предприятие, фирма) удовлетворяет потребности семьи в средствах существования (производственная) или в обслуживании повседневной жизнедеятельности (социально-культурной сферы или административная), социальная группа — в коммуникации, индивиды — в воспроизводстве семейного образа жизни (при посредстве института брака или без него в случае его неэффективной работы).

Уровень благополучия семьи тогда оценивается институтом по доле благополучных семей в общем их числе; группой — по прочности, устойчивости, стабильности семьи как малой группы; индивидом — по соответствию его семьи его ожиданиям, созданному им желаемому образу его семейной жизни. Соответственно, и благополучие семьи также является весьма противоречивым социальным феноменом, поскольку, например, благополучие семьи как института сегодня серьезно противоречит благополучию семьи и как малой группы, и как сферы личной жизнедеятельности индивидов. «Интересы современной семьи и ее процветания нередко сталкиваются с интересами общества... И чем далее, тем это столкновение интересов семьи и общества растет», — указывал еще П. Сорокин 100 лет назад [97, с. 78].

Понятийное образование «благополучие в семье» означает удовлетворение потребностей члена семьи в ходе семейной жизни, в семейных отношениях, удовлетворенность индивида его семейной жизнью. И так же как и «благополучная семья» и «благополучие семьи», благополучие в семье представляет собой весьма широкий спектр межличностных и межсубъектных противоречий: тут и гендерные аспекты, и «отцы и дети», и социальное и биологическое, и индивидуальное и общественное

И еще одно объективное обстоятельство серьезно затрудняло определение в семьеведении понятий семейного благополучия, благополучной семьи, благополучия семьи и благополучия в семье.

Поскольку многие функции семьи являются «межсубъектными», то-есть, удовлетворяют потребности одновременно нескольких субъектов социального действия, постольку и содержание каждого из исследуемых понятий включает в себя часть содержания других понятий. Поэтому «благополучная семья» как институциональный феномен выступает как «благополучие семьи» в лозунгах политической программы или цель института так же, как и «благополучие в семье». А вот с точки зрения человеческой цивилизации в целом благополучными, возможно, следует считать семьи, где рождаются и воспитываются гении и творцы, образующие «богему» и которые далеко не всегда по институциональным, групповым и другим критериям могут быть отнесены к «благополучным детям из благополучных семей».

Известный советский «семьевед» А. Харчев еще в 1970 году отмечал, что «в области социологии семьи» требуется уточнение «ряда теоретических положений этой науки, поскольку сохраняющаяся рассогласованность в их трактовке мешает обобщению получаемых разными исследователями данных. К числу таких положений относится прежде всего понимание семьи и закономерностей ее развития» [110, с. 23—24]. Мы должны констатировать, что данная проблема по-прежнему остается актуальной.

Н. Бердяев считал, что «семья по своей сущности всегда была, есть и будет позитивистическим мирским институтом благоустройства, биологическим и социологическим упорядочением жизни рода. <...> Семья — хозяйственная ячейка прежде всего» [5, с. 422, 423]. То есть сущность семьи философ видит в первую очередь в ее способности оптимизировать решение проблем соотношения социального и биологического в обществе. Содержанием этого процесса оптимизации является соответствующая форма организации и разделения труда в семейном хозяйстве.

П. Сорокин определяет семью как социально-правовую организацию определенного вида, основанный на браке «легальный союз (часто пожизненный) супругов, с одной стороны, союз родителей и детей с другой, союз родственников и свойственников с третьей» [97, с. 65]. Здесь уже явно заметно усиление смыслового акцента на особую атмосферу внутрисемейных отношений, коллективное

целепологание, общие ценности («Союз — тесное единение, связь <...> отдельных лиц; объединение, соглашение для каких-нибудь совместных целей») [67, с. 693]. Как и Н. Бердяев, П. Сорокин также указывает на легальность, то есть санкционирование обществом такого рода отношений, их институциональность.

Н. Смелзер определяет семью как основанное на кровном родстве, браке или усыновлении объединение людей, связанных общностью быта и взаимной ответственностью за воспитание детей; члены семьи часто живут в одном доме [96, с. 424]..

Из рассмотрения приведенных выше определений видно, как сущностный акцент в них смещается от монистического понимания «всеобщности» и «цельности» семьи Гегелем («единое лицо») через ее раздвоение Н. Бердяевым на «социальное и биологическое», затем дробление П. Сорокиным на «родителей, детей и т.д.» к ее все большему разделению на абстрактных индивидов, каждый из которых сегодня и дальше может и продолжает «теоретически дробиться» до бесконечности по причине бесконечности их «внутрисемейных функциональных связей и связи их с внешними семейными связями». Эта историческая редукция определений семьи отражает реальные процессы становления гражданского общества, в которых семья как в социальной практике, так и в теории перемещается с уровня «единственного общественного отношения», которым она была в «исторически освещенный» период нашего обществознания, на уровень «подчиненного отношения» (А. Харчев) [110, с. 26]; хоть и очень важной, но *типичной* социальной структуры, число которых (этих различных социальных структур) в обществе множится в процессе разделения труда.

Современная отечественная фамилистика в основном продолжает указанную тенденцию и разрабатывает все более развернутые в структурно-функциональном отношении дефиниции. По мнению А. Харчева, «что касается определения самого понятия “семья”, то, по-видимому, надо говорить не об одном, а, по меньшей мере, о трех одинаково правомерных ответах на этот вопрос» [Там же, с. 27]. Действительно, большинство теоретических исследований и выработанных социологами определений семьи представляет ее в роли некоторого феномена («первичной социальной ячейки»,

основной общественной единицы»), заключающего в себе «триединство» «макросоциального» (институт), «микросоциального» (малая группа) и индивидуального («сфера личной жизнедеятельности»). При этом акценты по мере развития социологии семьи смещаются в ее (семьи) определениях от макросоциологических к микросоциологическим и личностным отношениям.

Сам А. Харчев в своих наиболее известных теоретических трудах определяет семью «как исторически-конкретную систему взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малую социальную группу, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» [108, с. 75]. Спустя десять лет М. Мацковский в своем исследовании использует это же определение [62, с. 23]. В это же самое время С. Голод отмечает, что «если соотношению семьи и общества» в советской социологии «уделялось достаточно внимания, то, напротив, изучение имманентных закономерностей оставалось в тени. Перенос исследовательского фокуса на собственные закономерности семьи поставил задачу ее нетрадиционного определения» [25, с. 90]. Придерживаясь в целом исходной классической схемы (семья «как совокупность индивидов, состоящих, по меньшей мере, в одном из трех видов отношений: кровного родства, порождения, свойства») основной акцент в своей концепции исторических типов семьи С. Голод делает на «супружество» как личное взаимодействие мужа и жены [25, с. 91].

В настоящее время «личностный» аспект в организации семейной жизни получил наибольшее внимание исследователей. Взамен «устаревшего социоцентристского» образа семьи Л. Карцева предлагает другой, более «современный» образ: «С неадекватными традиционным социальными правилами и нормами <...>, отвечающий потребностям отдельных индивидов» [44, с. 99]. В другом авторитетном современном источнике также отмечается, что «без всестороннего удовлетворения потребностей личности семья не будет стабильна и поэтому не сможет в полной мере удовлетворять общественные интересы и потребности» [85, с. 462].

Актуализировавшиеся в ходе происходящих в России социальных преобразований потребности российского общества в разработке прикладных методик реализации семейной политики явно обозначили крайнюю «непрактичность» этой «теоретической трюйственности» в семьеведении. Заметивший раньше других эту «непрактичность» А. Харчев первым из российских социологов в одной из своих последних работ предложил рассматривать семью «монистически», как «институтированную общность, складывающуюся на основе брака и порожденной им правовой и моральной ответственности супругов за здоровье детей и их воспитание» [109, с. 27]. Его теоретические последователи (А. Антонов, В. Архангельский, В. Борисов, В. Медков, С. Сорокин) в своих работах также предлагают понимать под семьей «основанную на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества — родительства — родства, и тем самым осуществляющую воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи» [98, с. 331].

С другой, однако, стороны, необходимость монистического определения семьи не является среди специалистов общепризнанной, поэтому и сегодня многие используемые в авторитетных трудах дефиниции по-прежнему опираются на «дихотомический» или «триединый» подход без заявок на теоретический «монизм» [99, с. 319]. Но обоснованная критика «монистического» принципа определения семьи в литературе отсутствует, что в целом говорит о молчаливом признании допустимости такого подхода.

История показывает, что устойчивость и авторитет в обществе всякого социального института зависит, прежде всего, от степени (уровня) удовлетворения данным институтом потребностей общества и индивида с их одновременным согласованием. Семья сохраняется всю цивилизованную историю человечества и остается центром социализации до тех пор, пока осуществляет это удовлетворение потребностей общества и индивида с их одновременным согласованием наиболее универсально. Именно всеобщий и универсальный характер согласования в семье социальных отношений в их «увязке» с биологической составляющей человеческого бытия

и порождает ее (семьи) фантастическую историческую устойчивость, пережившую все происшедшие в истории человечества катаклизмы. «При всех изменениях общество на любой ступени своей истории нуждается в воспроизводстве населения, поэтому оно всегда заинтересовано в семье как форме организации этого воспроизводства», отмечает все тот же А. Харчев [108, с. 74]. «Как социальный институт, семья реализует жизненно необходимую функцию самосохранения общества, воспроизводства новых поколений. Как малая группа, в рамках которой индивиды вступают в первичные межличностные отношения, семья удовлетворяет их фундаментальные социально-психологические потребности». В семье «социетальные функции (общественные потребности) реализуются (удовлетворяются) через личную мотивированность индивидов», семью образующих, продолжают В. Борисов и В. Медков [98, с. 331]. Нарушение этого процесса быстро ведет к гибели любого социального сообщества через разрушение системы социализации и вымирание населения и потому в процессе исторического соревнования «несемейное бытие» *«естественно»* отвергалось субъектами этого соревнования — обществами и цивилизациями.

Поскольку на данный исторический момент никакое другое социальное образование, кроме семьи, неспособно к самосохранению и воспроизводству социального, *предварительным рабочим* определением семьи выступает следующее: семья есть уникальная общность, воспроизводящая общество через удовлетворение основных потребностей субъектов социального действия. Больше никакое другое социальное образование не может быть определено таким образом. Именно эксклюзивная функция воспроизводства социального и составляет сущность семьи. Поэтому А. Харчев в дискуссии о субординации функций семьи и приходит к выводу, что «главная функция — это и есть семья, рассматриваемая в динамике ее жизнедеятельности, ее взаимодействия с обществом» [110, с. 28].

Понятие *действительной семьи* позволяет преодолеть «институционально-групповой» и «макро-микросоциологический» дуализм в определениях семьи и понять ее как *точно определенный* предмет социологической науки. А это означает возможность теоретического развертывания семейной «темы» в единстве макро-

мега- и микросоциологического подходов, поскольку с этой позиции и семья-институт, и семья-малая группа, и семья-организация, и семья-социальная общность (вообще), и изменения в процессах воспроизводства народонаселения представляют собой феномены, отражающие различные аспекты и формы проявления процессов самодвижения действительной семьи: структурно-функциональный, феноменологический, конфликтологический, диалектический, системный, гендерный и т. д. Набор этих феноменов и отношений может бесконечно дополняться и систематизироваться, но *действительная семья* остается *основным* объяснительным принципом, *основанием*.

Соответственно, наряду с действительной семьей мы обнаруживаем и существование семьи недействительной, то есть не удовлетворяющей вышеуказанные потребности ни одного из субъектов.

Такое понимание феномена позволяет произвести логическое развертывание сферы семейной действительности-недействительности через определение и формирование их точно обозначенных структуры и уровней. Эта структура представляет собой четырехуровневую конструкцию из различных сочетаний и значений трех ее основных параметров. Нижний уровень составляют «кризисные» семьи, не имеющие благополучия ни в общественном, ни в семейном, ни в индивидуальном. Это такие семьи, в которых одновременно: а) не обеспечивается общественно необходимый уровень воспроизводства населения (рождаемость); б) не обеспечивается полнота семьи (лишь один супруг с детьми или даже ни одного, а дети растут с другими родственниками); в) отношения между членами семьи преимущественно напряженные и конфликтные (нет «лада» в семье).

Следующий («второй») уровень составляют «проблемные» семьи, благополучные по одной из трех составляющих, но неблагополучные по двум другим: а) рождается (усыновляется) общественно необходимое число детей, но семья не имеет (необходимое число) супругов и в ней плохие отношения (нет «лада» в семье); б) есть необходимое число супругов — но в семье неудовлетворительное по общественным меркам число детей и нет «лада» в семье; в) в семье «лад» — но нет необходимого числа супругов и неудовлетворительное число детей.

Третий уровень представляют «перспективные» семьи, в которых наличествует благополучие по двум составляющим и неблагополучие по одной составляющей: а) есть «детность» и «полнота» — но нет «лада»); б) есть «полнота» и «лад» — но нет «детности»; в) есть «детность» и «лад» — но нет «полноты».

И самый высокий, четвертый уровень, представляют *действительные семьи* с полным набором основных элементов благополучия. Соответственно, уровень семейного благополучия в обществе (или общества) тогда представляет собой некоторое соотношение факторов действительности с факторами недействительности. Наиболее же простым, понятным и объективным показателем здесь является доля населения, проживающего в действительных семьях, или доля таких семей в общем их числе.

Выработка понятия *действительной семьи* позволяет решить проблему юридического определения семьи и тем самым создания ее «юридического лица» (которого сегодня нет), субъекта правовых отношений со всеми вытекающими последствиями: собственной законодательной базой и акцентированной семейной политикой.

Главной проблемой здесь было крайне неопределенное (институт, группа, союз индивидов, кровнородственные отношения) понятие семьи. Понимание же сущности семьи как семьи действительной, то есть как «предельный минимум предпосылок» (В. И. Плотников) социализирующей детей, позволяет теоретически и методически развести «брачные» и собственно «семейные» правовые отношения.

Такое юридическое определение семьи предлагается следующим: *«Семьей признается физическое лицо или их брачная группа, социализирующие своих детей. Дети признаются членами семьи по факту их в ней рождения или усыновления».* А *«действительной семьей признается физическое лицо или **разнополая** брачная пара, эффективно социализирующие социально необходимое количество детей. Дети признаются членами семьи по факту их в ней рождения или усыновления».* Таким образом, браки без детей выводятся из правового поля семейных отношений в сферу общегражданских правовых отношений, что значительно увеличивает возможности уточнения и однозначного определения правовых семейных норм.

Логическое решение проблемы определения понятия семьи позволяет выйти и на ее *методическое* решение: определить принципиальные положения социологического инструментария для сбора и анализа эмпирической информации.

Итак, основными составляющими *действительной семьи* являются «полнота семьи», «семейный лад» и «детность». Если методически при подготовке инструментария эмпирического исследования удовлетворение условий «1» и «2» не вызывает особых трудностей, то относительно условия «3» такие трудности безусловно есть. Они связаны как с определением «социально оптимального» количества детей в семье, так и со сбором социологической информации об этой оптимальности. Для прекращения депопуляционных тенденций в РФ необходимо 2,3 ребенка на семью (к концу ее репродуктивного периода), но для решения задач экономического и социального развития страны необходим ежегодный прирост рождаемости в несколько процентов, что ставит задачу наличия в российской семье к концу ее репродуктивного срока не менее трех детей. Поэтому трое (и более) детей в семье в исследовании были приняты «социально оптимальным» значением.

Поскольку же в медицине и демографии существует устойчивое представление оптимального фертильного срока для женщины, продолжительность которого составляет 15—17 лет с возраста 18—20 лет до возраста 33—35 лет [98, с. 240—241], постольку при разработке методики эмпирического исследования было принято, что для достижения демографического оптимума в семье должно рождаться трое (и более) детей к возрасту матери более 35 лет; или не менее двух детей при возрасте матери до 28 лет; или не менее одного ребенка при возрасте матери до 23 лет.

Такая семья, в которой происходит успешное «исполнение» данных функций и достижение необходимых показателей по пунктам «1» (полнота), «2» (семейный лад) и «3» (оптимальное воспроизводство) и предлагается нами в качестве современной российской модели «действительной» семьи, предложенной почти 200 лет назад Г. В. Ф. Гегелем; или в качестве «оптимистической версии нукlearной семьи», предложенной в начале XIX века школой Фредерика Ле Пле.

3.6. Логика хозяйства

Если духовная культура в её отдельных элементах исследована в научной литературе весьма подробно, то хозяйственная (производственная) культура требует специального более подробного и внимательного рассмотрения в силу значительной дискуссионности в литературе понятия *хозяйства*. Даже одними и теми же авторами в одном и том же труде и на одной и той же странице указывается, например, что хозяйство — это: «1) производственная единица; 2) производство, экономика; 3) оборудование для производства». И тут же, следом — что «хозяйство домашнее» — основная структурная единица, функционирующая в потребительской сфере экономики» [7, с. 1171]. То есть здесь получается, что хозяйство как таковое — это явление *производственное* («производственная единица», «производство, экономика», «оборудование для производства»); но вот домашнее хозяйство — это явление *потребительское* («основная единица потребления в национальной экономике»).

Дальше — больше: «Хозяйство — сфера жизнедеятельности человека, его взаимодействия с природой, создания и потребления материальных благ» [70, с. 124]; или: «Хозяйство — организация производства, ее система; организуемое и организованное производство, рассматриваемое со стороны организации» [Там же]; или: «Хозяйство — материальный и духовный мир человека, его культуры» [Там же]; или: «Хозяйство — сама жизнь» [Там же]; или: хозяйство — «...работы по дому и устройству быта, совокупность предметов, необходимых для быта, производственная единица аграрного сектора, экономика в целом» [68]; или: «Хозяйство — совокупность природных и сделанных руками человека средств, используемых людьми для создания, поддержания, улучшения условий и средств существования, жизнеобеспечения» [82, с. 431]; или: «Хозяйство всемирное — система национальных хозяйств всех стран мира, объединенных международным разделением труда и разнообразными экономическими взаимосвязями в производственный организм глобальных масштабов» [7, с. 1171].

Один авторитетный источник, не задаваясь вопросом определения *собственно хозяйства*, тем не менее, определяет «**хозяйство сельское**» как «одну из основных областей материального производства...» [99, с. 399]. А другой не менее авторитетный источник представляет домохозяйство как «совокупность лиц, проживающих в одном жилом помещении (или его части), как связанных, так и не связанных отношениями родства, совместно обеспечивающих себя пищей и всем необходимым для жизни, то есть полностью или частично объединяющих и расходующих свои средства» [71, с. 4]. То есть это и не производство, и не потребление, а «объединение лиц для самообеспечения и расходования средств»....

Приведенные выше разночтения имеют, конечно, свою историю. В начале XX века известный П. Струве предлагает понимать под хозяйством «субъективное телеологическое единство рациональной экономической деятельности» и считает, что ««истинное хозяйство» только домашнее хозяйство», а все остальные («народное», «городское» и т. д.) — это «псевдохозяйства» [цит. по: 119]. С такой ограниченной трактовкой не совсем согласен другой не менее авторитетный классический источник (В. Даль), который хозяйство рассматривает как «то же, что и домоводство, домоустройство, заведование, управление порядком и расходами по заведению, например по заводу» [29]. Третий классик (наиболее признанный и цитируемый сегодня в качестве «хозяйственного философа» С. Булгаков) идет еще дальше и утверждает, что вообще «хозяйство есть борьба человечества со стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечения природы, превращения ее в потенциальный человеческий организм...» и что «мир как хозяйство — это мир как объект труда, а постольку и как продукт труда» [11].

Но «главным является “наличность хозяина”, который и образует само понятие хозяйства» [цит. по: 119]; или: «Хозяин — лицо, владеющее экономическим, хозяйственным объектом, являющееся его распорядителем и одновременно несущее полную ответственность за хозяйственное использование объекта» [82, с. 431]; или: «Хозяин — 1) владелец; 2) частный наниматель; 3) человек, ведущий хозяйственные дела; 4) властный распорядитель» [7, с. 1171].

То есть «хозяин» — это «человек, ведущий хозяйственные дела», «лицо, владеющее <...> хозяйственным объектом». Опять «масло — это то, что масляное».

Отсюда и становится понятно, почему до сих пор «дискуссия о содержании понятий «экономика», «хозяйство», «домохозяйство» не завершена» и почему «один из итогов этой дискуссии — вывод о том, что содержание понятий «хозяйство» и «хозяйственный» несколько шире понятий «экономика», «экономический» за счет включения таких элементов, как оборудование для какого-либо производства, предметы, необходимые для ведения домохозяйства, работы, не относящиеся непосредственно к экономической деятельности. Но возможно и синонимичное употребление рассматриваемых понятий» [107].

А раз «возможно и синонимичное употребление», то это значит, что всякий теперь может определять хозяйство так, как ему выгодно: в одном случае — как производство; в другом — как потребление; в третьем — как оборудование для производства; в четвертом — как экономику... Очень «удобное» получается определение хозяйства... Вот только уже при попытке решения задач *правового* поля хозяйственных отношений сразу становится видно, что признание «возможности синонимичного употребления» понятий «экономики», «хозяйства», «домохозяйства» *закрывает* всякую возможность для решений таких задач: в праве не допускаются «двойные толкования». С другой стороны, эта ситуация исподволь характеризует и качество самого хозяйственного права...

С позиций представленной выше логики социального *логики хозяйства* предстает в следующих основных определениях.

Культуру как социализацию, всеобщее общественное воспроизводство, составляют особенные (обособленные) общественные воспроизводства (далее ОВП): 1) Искусство (воспроизводство художественных образов-образцов, духовных благ); 2) Хозяйство (воспроизводство «материальных» благ).

Существенное отличие ОВП-хозяйства (хозяйственной культуры) от ОВП-нехозяйства (искусства) состоит в наличии-отсутствии в ОВП обоСОбляющего феномена: *хозяина* (владельца, СОБственника, распорядителя»).

Таким образом, *существенным определением хозяйства* является его *обособленность* внутри культуры; хозяйство есть *обособленное (обособившееся) ОВП*. *Существо* обособленности хозяйства составляют: а) *собственник* (сам владелец, хозяин); и б) *хозяйствование* (управление им своей собственностью, его труд по этому управлению). *Существо* ОВП внутри хозяйства составляют: а) *сама собственность* (принадлежащие владельцу средства общественного воспроизводства); б) *воспроизводственный процесс* (использование указанных средств воспроизводства в процессе хозяйствования).

В составе *хозяйства собственник* (субъект общественного воспроизводства) с его *собственностью* (средствами общественного воспроизводства) образуют фигуру *предпринимателя*. *Хозяйствование* и *воспроизводственный процесс* вместе составляют *предприятие*. То есть *хозяйство в качестве обособленного ОВП есть единство предпринимателя и его предприятия*.

Вышеизложенное позволяет нам определить в качестве *объекта* хозяйственной науки хозяйство как *обособленное общественное воспроизводство*; а в качестве *предмета* — *предприятие* как *хозяйствование и воспроизводственный процесс*.

Собственником-хозяином выступает: 1) индивид — «физическое лицо»; 2) обособленное сообщество индивидов (*акционерное общество, долевая собственность*); 3) «общество в целом». Средства воспроизводства находятся в распоряжении хозяина как на правах полной собственности (владение), так и частично (аренда, лизинг, наем).

Воспроизводственный процесс осуществляет как сам владелец (*хозяин*), так и наемные работники. Соответственно, *труд* в *хозяйстве* (управление собственностью и использование средств воспроизводства) присутствует в таких формах, как: 1) *непосредственный* (сам владелец — работник, «производитель»); 2) *опосредованный* (управляет собственник, «воспроизводят» наемные менеджеры и наемный персонал); 3) *непосредственно общественный*: управление, распоряжение средствами воспроизводства осуществляется всеми использующими их субъектами хозяйственных отношений.

Хозяйство имеет своей структурой: 1) *хозяйственный механизм* (*инструменты хозяйствования*) — систему управления (отношения координации и субординации, оперативное и стратегическое руководство и планирование и т. д.); 2) *воспроизводственную структуру* — технический парк, технологии, технологические переделы, экономические службы, НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы), системы безопасности и т. д., которые оформляются в *хозяйственные единицы*: заводы, производства, цехи, отделы, управления и т. д.

По мере развития хозяйства из рамок его НИОКР вырастают и обособляются социально-технологические направления: правовое, экономическое, производственно-технологическое, психологическое, социологическое. Каждое из них затем вырастает в социальный институт обеспечения особенных связей субъектов хозяйственных отношений: правовых, экономических, технологических и т. д.

4. КРАТКИЙ КУРС ГЕНЕТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Когда в процессе исследования проблемной ситуации применение традиционных методов не позволяет обнаружить основание данного (того или иного) качества, всегда «логично» возникают взаимоисключающие друг друга версии: 1) наука должна отказаться от претензии отыскания оснований ее предметной сферы и опираться лишь на наблюдательно-описательную методологию, классифицируя научные факты все более широко и подробно раскрывая связи и взаимозависимости, схваченные ее понятиями (*классический позитивизм и методология структурно-функционального анализа*), 2) объекты науки и предметы ее исследования всегда своеобразны и уникальны и в принципе не могут иметь единого основания, поэтому должны быть просто поняты каждый в своем своеобразии (*классический номинализм и методология «культурно-исторических типов»*).

И тогда объявляется, что дело вкуса и таланта самого исследователя, с чего ему начинать и какие методы выбирать для использования. Но как быть с научной истиной? Или она общественно больше не интересует? Или такое заявление некорректно с позиций научной этики, поскольку является претензией на «абсолютную непогрешимость»?

О методологии социально-философского исследования написано столько, что только для прочтения всего написанного не хватит ни одной человеческой жизни. С другой стороны, мы полагаем, что будет совершенно бесчеловечным бросить нашего читателя с 40-градусной температурой от невозможности утоления жажды познания. Это как если бы мы вылечили больного от тяжелого гриппа, а затем, в период следующей эпидемии, бросили его, не рассказав, что это было за лекарство, где брать его компоненты, как его

готовить и как применять. Понятно, что лекарство имеет сложную технологию приготовления и применения и далеко не каждый сам сможет пройти весь путь лечения, да и мы не сможем передать всех тонкостей организации лечебного процесса.

Но шанс-то дать человеку мы должны...¹

4.1. Решение проблемы «начала» в «Логике» Г. В. Ф. Гегеля

Базовым компонентом генетического метода является «Логика» Гегеля, представляющая собой энциклопедически-исторически-логическую проработку предшествующей философии. Одним из выводов проделанной им фундаментальной исследовательской работы является обоснованная критика резонерства в заполнивших научный мир псевдофилософских рассуждениях. «Дефиниция», — пишет Гегель, — с которой какая-либо наука начинает с самого начала, «не может содержать ничего другого, кроме как определенного корректного выражения того, что как *известное и общепризнанное представляют себе* в качестве предмета и цели этой науки. Что в качестве таковых представляют себе именно это, а не другое, это есть историческое уверение, относительно которого можно сослаться лишь на то или иное признание или, собственно говоря, можно только в виде просьбы предложить, чтобы считали то или иное признанным». Поэтому вовсе неудивительно, что «один оттуда, другой отсюда приводит какой-либо случай или пример, показывающий, что под таким-то выражением нужно понимать еще нечто большее и иное и что, стало быть, в его дефиницию следует включать еще одно более частное или более общее определение и с этим должна быть согласована и наука. При этом от резонерства зависит, до какой границы и в каком объеме те или иные определения должны быть включены или исключены; само же резонерство

¹ Правда, для профилактики заразных болезней существуют прививки в детском возрасте... Одна из наиболее эффективных против жажды познания — ЕГЭ по обществознанию...

имеет перед собой на выбор самые многообразные и самые различные воззрения, застывшее определение которых может, в конце концов, давать только произвол. При этом способе начинать науку с ее дефиниций нет и речи о потребности показать *необходимость ее предмета* и, следовательно, также ее самой» [22, с. 102].

Едкий тон Гегеля относительно резонерства не потерял своей актуальности: особенно это относится к популярной сегодня «институциональной» методологии...

У Гегеля предмет Логики — это «абсолютная идея», которая через «бытие — небытие — становление» разворачивается в последовательную логику философских категорий. Когда Гегель разбирает проблему «начала» Логики, которое («начало») поэтому и не может быть опосредовано, что оно есть «начало» [19, с. 53], то он не просто путем логических операций с дефинициями методом определения понятий через подведение каждого из них под другое, более широкое (то есть «опосредуя» их, находя то общее, что их связывает, «средство» их связи), «добирается» до предельно широких и бессодержательных «бытие-небытие», для которых уже не существует «определения» («опосредования»). Он параллельно на максимально обширных данных истории философии показывает, что именно «бытие-небытие» было главной и всеобщей темой уже самых древних систематических философских исследований [19, с. 83, 90—91, 177].

Действительно, основной, первой и всеобщей проблемой человека в суровейших условиях начала его истории, где ему приходилось ежедневно балансировать на грани «бытия-небытия», и было «быть», существовать, выжить в его «человеческом облике», и только потом уже все остальное. И потому, например, фихтевское «я есть» и производное из него веберовское «социальное поведение» индивида являются тем самым положительным гуманистическим (Маркс) производным из философского «бытия-небытия».

На этом этапе оформляется общетеоретическая проблема, известная как «проблема предела абстрагирования в процессе нахождения исходной категории восхождения от абстрактного к конкретному». В самом общем виде формулировка данной проблемы выглядит так: на каком основании можно делать вывод о том,

на каком понятии в цепи определений необходимо остановиться, чтобы с него начать теоретическое развертывание определенной предметной сферы, избранной для теоретического анализа?

Здесь уже не обойтись без Маркса.

4.2. Логика «товарного начала» в «Капитале» К. Маркса

В этом (2018) году исполнилось 200 лет со дня рождения К. Маркса, и, будь у нас Советский Союз, это было бы грандиозное шоу. Однако сейчас в российском общественном сознании марксизм («не в моде», поскольку в обыденном сознании он (не без «помощи» «буржуазной пропаганды») отождествляется с пустыми прилавками, сталинскими репрессиями, «железным занавесом», формальной и скучной агитационно-идеологической трескотней и другими малопривлекательными явлениями нашей советской истории. Бывший советский ученый мир еще долго не забудет «лысенковщину» и тотальные разгромы наших перспективных научных школ, а также туманные, многословные и претенциозные рассуждения и поучения чиновников от «научной идеологии» о том, как «делать советскую науку согласно решениям очередного съезда КПСС», указаниям её выдающегося Генерального Секретаря и «в интересах мирового пролетариата».

Поэтому сегодня совершенно «естественно» марксизм отождествляется с коммунизмом, а последний — с теми тоталитарными режимами, которые в своей деятельности прикрывались псевдокоммунистической терминологией. Все вышеизложенное привело к тому, что современное российское общественное сознание практически от марксизма отвернулось и систематически «поклеывает» его в разные места, параллельно восхищаясь при этом разноцветной палитрой «оригинальных современных социальных теорий».

Но учение о пролетарской революции и диктатуре пролетариата — это далеко не единственное и не самое важное научное достижение марксизма в обществоведении, каким его пытался пред-

ставить сформировавшийся после октября 1917 года в России и СССР тоталитарный режим для идеологического оправдания производимых репрессий и всеобщей военизации. И в мировой общественной науке является бесспорным тот факт, что даже сегодня очень сложно обнаружить социальную теорию, разработанную так же полно, последовательно и логично, как это сделал Маркс в отношении теории капитализма.

Метод, которым осуществлена эта разработка, известен в нашей литературе как диалектическо-материалистический. Его «классическая» версия изложена Ф. Энгельсом в известном положении из работы «Карл Маркс. “К критике политической экономии”»:

«С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме... При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами... Это отношение мы анализируем. Уже самый факт, что это есть отношение, означает, что в нем есть две стороны, которые относятся друг к другу. Каждую из этих сторон мы рассматриваем отдельно; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их взаимодействие. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения...» [60, с. 497].

Однако как только мы попытаемся непосредственно в практике нашего научного поиска применить указанный метод, то сразу обнаружится серьезная проблема: «первое и наиболее простое» *отношение*, которое «исторически, фактически находится перед нами», надо сначала еще *найти*! То есть не просто дать его формулировку или дефиницию, а обосновать и доказать, что именно оно, *именно это отношение* является «первым и наиболее простым», избежав при этом резонерства и произвола.

Сам Маркс не оставил в своих трудах алгоритма решения указанной проблемы. И хотя В. Ленин в свое время отмечал, что если Маркс не оставил учебника по Логике, то он оставил логику «Капитала» [52, с. 301], однако история теоретического марксизма показала, что сам по себе «Капитал» не дает непосредственной разгадки *начала* своей логики: понятия «товар».

Цитаты, где по поводу такого «начала» приводятся рассуждения Маркса о «клеточке тела», которую-де изучать гораздо сложнее, чем «развитое тело» [61, с. 6], но что именно в ней уже содержится и «начало», и закономерности развития ее («клеточки») в это тело, обильно приводятся в марксистской литературе и широко известны специалистам. Но, как уже отмечалось, «известное не есть познанное».

По этой проблеме «клеточки» в советской философской и политэкономической литературе в свое время состоялась обширная дискуссия¹, в которой с разных сторон, в разной мере и разных отношениях постоянно говорится о том, что к *товару* как исходной категории восхождения от абстрактного к конкретному в теории капитализма Маркс пришел, начав свой теоретический анализ с абстрактнейших категорий гегелевской философии, выйдя затем к абстракциям частной собственности, отчуждения труда, стоимости, капитала...

¹ См. Астальцев В., Хубиев К. Исходное производственное отношение социализма // Экон. науки. 1985. № 11; Афанасьев В., Ланцов В. Карл Маркс и методология политической экономии социализма // Вопр. экономики. 1983. № 3; Зелински Я. К вопросу об исходном и основном отношениях коммунистического способа производства // Экон. науки. 1985. № 12; Кедров Б. М. О методе изложения диалектики. М., 1983; Козельский Н. Н. К вопросу об исходном пункте политической экономии социализма и коммунизма // Изв. АН СССР. Сер. экономическая. 1970. № 1; Коньшев В., Куровский К. Метод политической экономии // Вопр. экономики. 1978. № 3; Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1986; Маргулис А. В. К характеристике методологических аспектов общесоциологической теории // Вопр. философии. 1981. № 12; Мареев С. Н. Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса. М., 1984; Метод «Капитала» и вопросы политической экономии социализма / под ред. Н. А. Цаголова. М., 1968; Сюсюкалов Б. И. Социалистическое общество: проблемы диалектики развития. М., 1973; Тиханова Т. Е. Системный анализ исходного производственного отношения в «Капитале» К. Маркса. Киев ; Одесса, 1983; Федоренко Н. П. К вопросу о клеточке социалистического производства // Вопр. философии. 1978. № 4; Цаголов Н. А. Вопросы методологии и системы политической экономии. М., 1982 и др., а также исследования этой проблемы в работах Э. В. Ильенкова в теории диалектической логики, М. Мамардашвили в диалектике исторического и логического.

Однако главной задачи та дискуссия так и не решила: почему в переплетении всех этих категорий Маркс остановился на понятии «товара»? Дискуссия опять (вслед за Энгельсом и Лениным) повторяет, как заклинание: потому-де, что данное понятие «схватывает» всеобщее отношение капитализма? Остается, однако, без ответа вопрос: если само понятие «капитал» не «схватывает» такого отношения, то почему исследование называется «Капитал»? А почему «деньги» не «схватывают» такого отношения? А «частная собственность»? А «труд» («абстрактный» или «конкретный»; или «отчужденный»? А «стоимость» и «прибавочная стоимость»? По каким именно критериям, выраженным количественно — и, следовательно, *сравнительно* и потому научно *доказательно*, — Маркс остановился именно на понятии *товара* и почему именно с него начал изложение своей теории?

Как известно, в формальной логике дать определение понятия — это значит, подвести данное понятие под другое, более широкое («дуб есть дерево; дерево есть растение; растение есть одна из основных групп многоклеточных организмов; организм есть...» и т. д.). Однако если попытаться представить товар как начало изложения просто на том основании, что он является начальной или конечной дефиницией в какой-то их цепи, то сам по себе этот подход не даст искомого решения. С позиций этой логики, товар — самое обычное и ничем не выделяющееся понятие в цепи других понятий политической экономии (см. «Капитал», отдел первый «Товар и деньги» и отдел второй «Превращение денег в капитал») [61]: «капитал есть деньги» [61, с. 165]; «деньги есть товар» [61, с. 100]; «товар есть стоимость» [61, с. 168]; «стоимость есть труд» [61, с. 188]; «труд есть деятельность» [61, с. 195]. А вот «деятельность» уже есть «предметное», «специфически человеческое отношение к миру» [6, с. 180, 528]; здесь уже придется остановиться в дальнейших определениях, поскольку категории «предметности» и «человеческого» уже выводят нас из сферы политической экономии в сферу философии.

Выход из данной проблемной ситуации просматривается, если, следуя приведенному Энгельсом алгоритму, выйти за пределы формально-логического и описательно-статистического подходов

и попытаться обнаружить и понять, как идет отраженный данной категориальной областью (или группой понятий) *конкретно-исторический, практический* процесс. То есть понять, что с некоторого момента в процессе анализа проблема начала концептуального представления научного результата уже не решается на «чисто теоретическом» или «чисто логическом» уровне, хотя с виду и кажется сама предельно абстрактной.

Именно здесь, в области самых общих понятий, наиболее явно в логическую, сугубо понятийно-категориальную сферу вторгается жизнь, эмпирия, практика. Исходное отношение находится в *действительности* данного качества этой практики, материальных и объективных явлениях его существования, в форме собственно социологической эмпирической составляющей. Ежедневный практический опыт каждого действующего в капиталистическом обществе индивида демонстрирует ему, что *товарные отношения есть непосредственная жизнь всех субъектов данного общества во всех ее проявлениях*. То есть *товар есть мера всех вещей* капитализма (или «индустриального общества» в современной терминологии). Вся жизнь данного общества завязана вокруг товарного производства, потребления и обмена. Это главные темы средств массовой информации, художественных произведений (взять, к примеру, Э. Золя, Ги де Мопассана, О. де Бальзака, Т. Драйзера и т. д.) или современных российских и латиноамериканских телесериалов, кулонных разговоров и сплетен.

Разумеется, непосредственно разговоры ведутся не о товаре, а о деньгах, недвижимости, театральных постановках и новых романах, удачных и неудачных браках, высказываниях тех или иных политических деятелей и вокругбогемных скандалах... Но все эти кажущиеся настолько далеко отстоящими друг от друга факты, как и отображающие их художественные произведения и материалы СМИ, представляют собой товары, поскольку производятся для продажи! Возможно, именно поэтому Маркс однажды заметил, что произведения Бальзака раскрыли миру больше политических и социальных истин, чем все профессиональные политики и публицисты, вместе взятые.

4.3. Логика метода теоретической реконструкции В. И. Плотникова

«Для того чтобы обнаружить элементарную связь, нужна не только опора на всю совокупность наук о человеке, для этого нужен иной метод исследования. Фактический материал, накопленный археологией, антропологией и этологией, не может быть единственным основанием для теоретических выводов, как это имеет место в настоящее время даже в философских работах. Попытки понять проблему “начала”, исходя из непосредственных предпосылок, из особенностей существования антропоидных обезьян (ископаемых или ныне живущих), не увенчались успехом потому, что мы рассматриваем “лес” с чересчур близкого расстояния и не видим его за деревьями...» [75, с. 40].

«...Чтобы понять то, что осталось скрыто во мраке прошедших сотен тысяч и миллионов лет, надо, во-первых, двигаться к единому центру одновременно с двух сторон, опираясь на знание всеобщих законов живой материи и общественной жизни; а во-вторых, оба эти процесса рассмотреть в экстремальных состояниях, по возможности “в чистом, независимом, неискаженном виде” (Ф. Энгельс). Фактический материал, накопленный к настоящему времени специальными науками, на этом пути должен выполнять роль важнейшего корректирующего и направляющего средства» [75, с. 40].

«...В той или иной степени этот метод стоит на вооружении всех специалистов, занимающихся периодом антропосоциогенеза: поскольку проблема “начала” не решена, а сами факты противоречивы, любому ученому приходится воссоздавать целостную картину событий, внося недостающие связи либо из других областей знания, либо из своей головы. Степень полноты и убедительности всякой конкретной попытки реконструировать неизвестное зависит в таком случае от многих обстоятельств — фактического материала, круга научных дисциплин, привлекаемых к анализу содержания, философской вооруженности исследователя и т. д. Например, значимость опыта теоретической реконструкции в книге Н. А. Тих

“Предыстория общества” почти целиком измеряется возможностями экстраполяции на человека богатейшего материала непосредственных наблюдений за стадной жизнью низших обезьян. В книге Б. Ф. Поршнева “О начале человеческой истории» главную «системотворческую» роль играют фактические и теоретические данные современной физиологии и психологии высшей нервной деятельности. Огромный этнографический материал стал фундаментом для теоретических выводов Ю. И. Семенова и т. д.» [75, с. 101].

«Метод теоретической реконструкции может и должен стать одним из действенных методов не только специального, но и философского подхода к проблеме. Для этого он должен быть осознан в его эвристических возможностях и неизбежных недостатках. Смысл обращения философа к проблеме “начала”, на наш взгляд, заключается в том, чтобы выявить всю совокупность противоречий, возникающих на материале разных наук, сконцентрировать их вокруг наиболее узкого, теоретически основного вопроса и вынести на обсуждение специалистов не замечавшиеся ими ранее и потому принципиально новые способы решения проблемы. Созданная таким путем модель будет зависеть не столько от фактов, сколько от теоретических представлений, существующих в специальных науках, и не столько от количества научных дисциплин, материал которых обобщается философом, сколько от целостного (“системного”) подхода к ним. Мы убеждены, что сам по себе метод теоретической реконструкции как способ философской рефлексии проблемной ситуации весьма перспективен. Другое дело, насколько он реализуется в конкретных философских исследованиях...» [75, с. 101—102].

То есть, по Плотникову, генетическая методология имеет ту же структуру, что и следствие по крайне запутанному делу. Сначала накапливается максимум «позитивных» сведений о феномене. По мере их *методичной* проверки одна часть сведений достоверно подтверждается и становится фактами, другая исключается как неподтвержденная, а третья, которую «верифицировать» не удастся, остается сведениями. При этом оказывается, что многие бесспорные факты противоречат друг другу.

Затем начинается поиск *связи* между фактами для ответа на вопрос: *как возможно явление в единстве всех его противоречивых*

фактов? Ответ на данный вопрос дает, как правило, та связь, от которой этого никак не ожидали и поэтому во внимание её не принимали, поскольку в основе *сознания* стереотипы.

Однако «кто предупрежден, тот вооружен». Зная, что наше сознание стереотипно, мы можем осуществить над ним *рефлексию*: искусственно скомбинировать факты, не укладывающиеся в стереотип, и исследовать образовавшуюся новую связь.

Чем больше известно фактов, тем больше возможное число комбинаций их связей. Возникает противоречивая ситуация: небольшое число фактов сокращает число возможных комбинаций, чем значительно упрощает задачу их исследования — но при этом возрастает риск упущения *ключевого* факта, без которого задача не имеет решения. Наоборот, возрастание количества накопленных фактов снижает риск упущения *ключевого* факта — но на порядок возросшее число возможных комбинаций очень сильно усложняет их анализ.

Компромисс находится в определении «предельного минимума предпосылок» (В. И. Плотников), когда из всего количества фактов для исследования их связей выбирается их некоторый минимум на основе их статистической представленности в аналогичных или близких по сущности явлениях: чем чаще там представлен факт, тем больший «вес» он имеет при отборе.

Сначала исследуется связь двух наиболее гипотетически значительных фактов. Если решение не найдено и ответ не получен, к ним добавляется третий по значимости факт, в результате чего число связей вырастает втрое и все они должны быть тщательно проверены. Если ответ снова не получен, в комбинацию вводится четвертый по значимости факт.... И так далее до нахождения решения или до исчерпания исследовательских ресурсов (времени, денег, терпения, актуальности).

Социальное и биологическое — как алмаз и графит: один и тот же углерод, а свойства и цена различаются на несколько порядков за счет того, что графит имеет *основные* межатомные связи в двух измерениях, а алмаз — в *трех*. Чтобы графит стал алмазом, нужен «кризис его бытия»: экстремальное изменение условий температуры и давления, многократное и одновременное — но не бесконечное —

их повышение относительно атмосферных. Но только по достижении *определенного* их соотношения из старых связей возникают новые. Однако, чтобы понять, при каких параметрах каких именно условий происходит становление графита алмазом, нужно было параллельно изучить множество этих параметров.

*Общественная же связь как минимум пятимерна; её факты («необходимый минимум предпосылок», ее создавших) у гоминид следующие: 1) индивидуальная орудийная деятельность; 2) аффект; 3) звучание на выдохе; 4) общественное бытие; 5) кризис бытия. Поэтому раскрыть и *понять* («выразить в понятиях») эту связь было на несколько порядков сложнее, чем биологическую. Это, мы считаем, самое знаковое научное достижение В. И. Плотникова.*

4.4. «Антилогика» «ускорения расширения Вселенной»

— *Суслика видишь?*

— *Нет.*

— *А он есть.*

«ДМБ» Романа Качанова

Современная астрофизика уверовала в нечистую силу.

«Красное смещение», обнаруженное в 1912—1914 годах Весто Слайфером и теоретически интерпретированное в 1929 году Эдвином Хабблом, дало физической науке основание для построения динамической модели расширяющейся Вселенной. Согласно этой модели, Вселенная образовалась от 12 до 18 (по данным разных источников) миллиардов лет тому назад из взрыва некоего космического объекта нулевого объема и бесконечной массы («сингулярной точки»). Разлетающиеся после взрыва в разные стороны «осколки» этого объекта и превратились в сегодняшние планеты, звезды, пульсары, туманности, галактики, «черные дыры» и т. п.

Модель Вселенной, в которой её расширение задано указанным «первотолчком» («Большим взрывом»), практически общепризнана, считается подтвержденной достоверными фактами (в том чис-

ле — и реликтовым излучением, «вселенским эхом» того Большого взрыва) и соответствующей всем известным физическим теориям и законам.

Немногочисленные противники данной модели высказывают предположение, что либо 1) никакого расширения Вселенной нет, а красное смещение есть следствие замедления скорости света на больших расстояниях (по разным причинам); либо 2) расширение обеспечивает некая сверхмассивная «тёмная» материя на границах Вселенной. Однако никаких научных фактов в пользу данных гипотез пока не найдено.

В целом же — полный материализм и ничего «потустороннего».

Но в 1998 году «запахло серой». В этом году Сол Перлмуттер, Брайан П. Шмидт и Адам Рисс обнаружили, что Вселенная не просто расширяется, а расширяется *с ускорением*, за что и получили Нобелевскую премию по физике за 2011 год. Почему больше 10 лет вооруженные супертелескопами и суперкомпьютерами астрономы и астрофизики проверяли и перепроверяли с разных сторон эти данные и расчеты?

Да потому, что этого, с позиций логики «Большого взрыва», *не может быть!* Ведь что значит «Вселенная расширяется с ускорением»? Это значит, что *на каждый* космический объект односторонне (от «центра» Вселенной к её «краю») и *постоянно* действует некая сила, которая и придает *всем космическим объектам* это ускорение.

Легко ли двигать гору? А планету? А звезду? А *сотни миллиардов* звезд и планетных систем нашей галактики? А *триллионы* галактик наблюдаемой Вселенной? *Это же какая должна быть сила, чтобы она могла разгонять с ускорением всю эту невообразимо огромную массу материи?*

Но самое ужасное не это. Самое ужасное то, что ни сущность, ни принцип, ни механизм действия этой силы никто не может «поймать» ни теоретически, ни экспериментально. Вся астрофизика ищет эту грозную и могущественную «невидимку», разрушившую до основания некогда казавшееся стройным и прочным здание астрофизической теории — и никаких следов! Парадоксально...

Парадокс — это когда абсолютно достоверные факты отрицают друг друга: с позиций одного невозможно второе — и наоборот. Физика в своей истории с подобной ситуацией встречается не впервые: вспомним хотя бы классическое «материя исчезла» конца XIX — начала XX века [51, с. 266—275].

Парадоксы являются мощнейшими рычагами развития науки. Когда-то людям казалось, что плоская Земля неподвижно находится в центре мироздания и весь остальной мир крутится вокруг неё. Однако Д. Бруно, Г. Галилей, Н. Коперник, И. Ньютон, И. Кеплер, В. Слайфер и Э. Хаббл, открывая всё новое и новое в космосе, создавали его современную модель. Но и она с 1998 года несостоятельна, хотя «с поличным» эта наша могущественная невидимка («темная энергия») ещё не поймана.

За эту неуловимость и обозвали её «темной энергией»: ну действительно, не называть же её «нечистой силой»? И вообще, «темная энергия» звучит как-то более весомо, более научно, более материалистически... Но по сути-то — какая разница?

Какое отношение всё вышеизложенное имеет к генетической методологии?

Да такое, что проблемы, обретающие парадоксальное содержание, на сегодняшний день наиболее успешно решаются как раз посредством *генетического метода*. Суть этого метода — выявление *основной связи* этих парадоксальных фактов и построение логики закономерности их генезиса (происхождения и развития) из этой связи.

Начинается генетическое исследование с поиска ответа на вопрос: как возможно одновременное существование тех или иных парадоксальных явлений *в соответствии с известными для данной области знания достоверными научными фактами и закономерностями*? В этом поиске на стадии начала допустимы абсолютно любые — но только научные — гипотезы, то есть гипотезы, не противоречащие уже подтвержденным и достоверным научным данным.

Формирование такой гипотезы начинается 1) с выявления общих для исследуемого парадокса феноменов; 2) затем изучается содержание связей данных общих феноменов между собой; и 3) на последнем этапе — выделение из всех выявленных связей

тех связей и закономерностей, которые снимают противоречие, объединяя парадокс единой логикой и единым законом.

Современной физике известен феномен, который не уступает «темной энергии» по масштабу и последствиям своего воздействия на Вселенную: это всемирное тяготение (гравитация). Астрофизики сегодня весьма успешно и точно просчитывают гравитационные взаимодействия. А совсем недавно обнаружены уже и гравитационные волны как механизм действия всемирного тяготения.

А теперь сдвинем наши мозги немного набекрень и предположим: а не причастно ли всемирное тяготение к нашему феномену «темной энергии»? Нет ли *существенных* общих моментов в нашем парадоксе уже изученного гравитационного притяжения и ещё таинственного ускоренного «разбегания»? Да и авторитет принципа Оккама здесь тоже на нашей стороне.

Оказывается, такой *существенный* общий момент *есть*: и притягивающиеся, и «разбегающиеся» объекты наблюдаемой вселенной *движутся с ускорением!* Так, может, это одно и то же явление, только не *понятое* еще в его единстве по той причине, что астрофизика просто *не может себе такое представить* в силу сложившихся в ней стереотипов?

Вот многие ли из тех, кто непосредственно связан, например, с коровами (животноводы или имеющие корову в подсобном хозяйстве), заметили, что корова *мычит на вдохе*, а не на выдохе, «как все нормальные люди»? Автор, например, таких не встречал, да и сам этого не понял, хотя, в силу условий своей допрофессионально-трудовой социализации, наблюдал мычащую корову множество раз и с очень близкого расстояния.

Тысячи лет по несколько раз в день корова мычит рядом с человеком. И, когда она мычит, у нее медленно и широко раздуваются бока, явно демонстрируя нам, что легкие коровы расширяются и, значит, наполняются воздухом — *и никто этого не замечает!* При мычании на морозе у неё изо рта *не идет пар*, а идет он только *после мычания* — *и никто этого не замечает!*

Почему? Да потому, что *этого не может быть!* Потому что наш мыслительный стереотип вбил нам и в сознание, и в подсознание, что, прежде чем «замычать», мы должны сделать вдох и затем —

на выдохе — произвести наши звуки. Этот наш стереотип мы подсознательно переносим и на корову, хотя она совершенно точно человеком не является.

Так, может быть, по той же причине астрофизика *не может себе представить*, что кажущееся ей «разбегание-ускорение» Вселенной на самом деле является «ускорением сбегания»? Ведь нам же однозначно кажется, что Солнце и небо вращаются вокруг Земли, хотя мы точно знаем, что всё наоборот.

То есть, если нам удастся показать — в полном соответствии с законами физики, — что «ускоренное разбегание» Вселенной является эффектом всемирного тяготения, наша «нечистая сила» исчезнет, не оставив даже запаха серы. Жаль, конечно, что в этом случае пропадет романтика неизведанного и загадочного в самой интересной на сегодня теме космологии — но тут уж ничего не поделаешь: «такова се ля ви». Да и не стоит астрофизике огорчаться: на её век загадок хватит.

Поехали?!

1. Сама же астрофизика считает доказанным наличие в центре каждой галактики «черной дыры» (в спиральных — точно, а наша галактика «Млечный Путь» является спиральной). А раз так, то это значит, что все галактические объекты (планетные системы, пылевые облака, отдельные звезды, звездные системы и скопления и т. д.), *с ускорением падают в (на) эту «черную дыру» в полном соответствии в законе всемирного тяготения*. И, чем ближе галактический объект приближается к «черной дыре», тем с большим ускорением он в (на) неё падает.

2. Это так же значит, что галактические объекты, находящиеся *на разном* расстоянии от «черной дыры», падают в (на) неё *с разным* ускорением: ближние — с большим, дальние — с меньшим. А это, в свою очередь, значит, что *все данные галактические объекты с ускорением удаляются друг от друга!*

Соответственно, если два внутригалактических объекта находятся недалеко друг от друга, то между собой они сближаются и должно иметь место фиолетовое смещение — и оно действительно имеет место у некоторых ближайших к нам звезд.

А поскольку все космические объекты других галактик тоже «проваливаются» каждый в свою «черную дыру», они от нас также

удаляются с ускорением, причем — с удвоенным: мы от них — со своим, и плюс они от нас — со своим.

И никакой нечистой силы! «Демоны были, но они самоликвидировались»¹.

Мало того: это значит, что *теоретически мы можем увидеть наше прошлое.*

Чтобы это было более понятно, наглядно и привычно для восприятия, рассмотрим это на примере искусственного спутника Земли. Камень, брошенный с Земли, упадет обратно на Землю. Но, если он будет брошен с первой космической скоростью под определенным углом, он станет спутником Земли. Земное тяготение тянет его вниз, и он падает на Землю — но заданная ему первая космическая скорость превращает это падение в круговое движение по орбите.

Свет, как известно, тоже отклоняется под действием гравитации. Свет Солнца — как и любой другой звезды — распространяется во все стороны. Световой поток, идущий из нашей Солнечной системы, отклоняется к центру галактики под действием гравитации «черной дыры». А это значит, что часть этого потока огибает «черную дыру» по некоторой орбите и приходит к нам с другой стороны (так же, как спутник), неся нам информацию о прошлом нашей солнечной системы. А «глубина» (временная удаленность от нас) этого прошлого зависит от того, сколько лет этот наш световой поток совершает свой полный орбитальный цикл вокруг «черной дыры».

И однажды в поисках очередной экзопланеты земной астроном через свой супертелескоп увидит нашу солнечную систему и нашу Землю — и не узнает её...

Потому что этого «не может быть»...

Если уже не увидел...

И тогда в *той* космической саге «Большой взрыв» — *лишний персонаж...*

¹ «Иван Васильевич меняет профессию».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*Wer wird nicht einen Klopstock loben?
Doch wird ihn jeder lesen? — Nein!
Wir wollen weniger erhoben
Und fleissiger gelesen sein¹.*

«Никто не объемлет необъятного». Ни в каком научном труде не вместить всех связей и определений всех понятий сферы «социально-го» — да и не было это нашей целью. Мы надеемся, что исследование помогло кому-то разобраться в понимании сложного *общественного* явления и у кого-то пробудило интерес к проблемам логики «социального *общественного*» и социальной философии вообще.

И не факт, что все понятия определены стопроцентно корректно — хотя вряд ли так вообще бывает: «истина есть процесс опосредования непосредственности являющегося» (Гегель), и, будучи определенными, понятия тем самым обрели статус *непосредственности*, которая (надеемся) далее будет *опосредоваться*... И не факт, что представленные методологические изыскания удовлетворительно эвристичны в этой их версии... Слишком много дискуссионного в данной области общественнознания.

С другой стороны, логика генетического подхода уже позволила решить целый ряд актуальных задач, ранее неразрешимых.²

И теперь становится понятной стремительность развития человеческой цивилизации по сравнению с остальным животным миром: ведь каждый слог каждого слова — и уж тем более каждое слово — это оригинальная *Идея*.

Засим позвольте откланяться.

Искренне ваш А. Тараданов

¹ Кто Клопштока не знает? // А кто его читает? // Нам поменьше бы почтения // Да прилежней бы прочтения.

² См. материалы научного журнала «Генетическая социология XXI».

СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ¹

Орудие — природное продолжение манипулятивного органа биологической особи (насекомого, рыбы, птицы, животного).

Гоминиды (антропоиды) — исторически сложившееся в профессиональном дискурсе название человекообразных обезьян — предков человека.

Уникальная биологическая связь — соединение в одном действии феноменов жизнедеятельности человекообразных обезьян — *гоминид*: 1) общественного бытия; 2) аффективного психического возбуждения; 3) применения *орудий*; 4) звукового сопровождения на выдохе *орудийной* деятельности.

Идея — разрешение кризиса биологического бытия *гоминид* посредством возникновения *уникальной биологической связи* как основания: тотально взаимозависимой (связной) *орудийной* деятельности и её сопровождения-подкрепления звуками на выдохе.

Мера — качество *Идеи*.

Элементарная социальная связь — *идея* как основание *социального у гоминид*.

Социальное (социальная связь как основание) — тотальная связь биологических особей: тотально взаимозависимое (связное) бытие организмов любого класса (простейших, насекомых, птиц, животных), независимо от того, какая связь (генетическая, звуковая, визуальная, запаховая, гравитационная, телепатическая, астральная, электромагнитная) или комбинация связей находится в основании данной тотальной взаимозависимости.

Работа — действительность *социальной связи*: обеспечение взаимодействия её частей-элементов (биологических особей и их функциональных групп (например, в муравейнике муравьи-«рабочие»

¹ Соответственно логике работы словарь составлен по принципу единства исторического и логического.

и муравьи-«солдаты») по её самовоспроизводству. *Социальное* существует только до тех пор, пока *связь работает*.

Работа — Техно-Логия — тотально взаимосвязанная (связная) орудийная деятельность гоминид (техно) со звуками-«подкрепителями» на выдохе («логия»).

Труд — техно-логичная работа.

Люди («человеки») — трудящиеся гоминиды.

Индивид — человеческая особь.

Благо — жизненно необходимый для человека результат труда¹.

Труд физический — орудийная работа людей.

Труд умственный — работа-речь: звуки-«подкрепители» труда физического, (на выдохе).

Общество — социальное сообщество людей.

Ритуал — труд, провоцируемый и управляемый шаманом.

Шаман — человек, провоцирующий ритуал как «совокупность общественных отношений».

Норма — тотальность идеи.

Личность — лидер (шаман), провоцирующий ритуал весь свой жизненный срок.

Общественная («социальная») эффективность — обретение обществом благ посредством ритуала-труда.

Блага биологические: питание, безопасность и секс.

Благо общественное («социальное») — размножение-расселение по ойкумене людей-человеков.

Личность — Идеал (лидер) — общественно («социально») эффективный шаман.

Личность — Идол (тиран) — общественно («социально») неэффективный шаман.

Труд лидирование (духовный) — труд личности-идеала.

Труд тирания (светский) — труд личности-идола.

Власть — труд личности.

«Роль личности в истории» — размер власти личности: количество идейных последователей личности: количество людей (человек), трудящихся для реализации идей личности.

Политика — труд личностей лидеров и тиранов — их борьба за власть методами формирования и рекрутирования идейных последователей.

¹ В отличие от дара, который результатом труда не является.

Понятие — всеобщая идея-норма.

Сознание — согласованные понятия.

Свобода — осознанная необходимость: трансцендентальная тотальность общественного бытия (самость), сменяющая трансцендентную тотальность бытия биологического. Действительно свободна только Личность.

Самость — возможность «быть самим собой».

Дух — идея ушедшей личности: объективная тотальность.

Духовный мир личности — наполненность сознания идеями-духами: **Идеальное**.

Добро («добрый дух») — благотворная идея-идеал.

Зло («злой дух») — деструктивная идея-идол.

Мораль — общественная мера добра и зла.

Право — общественная мера нормативности идеи.

Добродетель — благотворная мера-гармония добра и зла в личности.

Порок — деструктивная чрезмерность-дисгармония добра и зла в личности.

Достоинство личности — её добродетели.

Недостатки личности — её пороки.

Норма Морали — идея труда духовного.

Норма Права — идея труда светского.

Праведность — соблюдение норм морали и права.

Грешность (грех) — несоблюдение норм морали и права.

Оценка — индивидуальное восприятие блага-вреда.

Ценность — индивидуальная мера блага-вреда.

Ценность нормативная — индивидуальная мера блага-вреда, соответствующая их общественной мере.

Ценность ненормативная — индивидуальная мера блага-вреда, не соответствующая их общественной мере.

Норма ценная — эффективная тотальность ритуала.

Норма не ценная — неэффективная тотальность ритуала.

Нравы — общепринятые меры норм и ценностей.

Нравственность — ценные нормы и нормативные ценности.

Безнравственность — неценные нормы и ненормативные ценности.

Мода — мера нравственности-безнравственности.

Индивидуальность — мера нормативных и ненормативных ценностей.

Общественное мнение — мера ценных и неценных норм.

Бог мифический — «субъективная идея», «субъективный дух» (Гегель): антропоморфный (человекоподобный) дух.

Язычество — «объективная идея», «объективный дух» (Гегель): духи природы.

Бог — «абсолютная идея», «абсолютный дух» (Гегель): общецивилизационная идея.

Вера — устойчивое благополучие следования идеалу.

Кульм — тирания идола.

Религия¹ — общественная связь², всеобщая (общецивилизационная) норма: объективное требование следования «слову божьему»: накопленному обществом набору идей-понятий.

Праздник — «социальный» институт воспроизводства игровых религиозных ценностей: обычаев, обрядов, традиций.

Церковь — «социальный» институт воспроизводства канонов: религиозных норм.

Культура — идеальные образцы труда: образцы исполнения всеобщей нормы («абсолютной идеи»), всеобщее общественное воспроизводство (естественное воспроизводство и социализация).

Естественное воспроизводство людей — регулируемые моралью и правом сексуальные (брак) и межпоколенные (семья) кровно-родственные отношения: рождаемость и материальное содержание в до-трудовой и послетрудовой период.

«Социализация»³ — воспроизводство идеи: воспроизводство общественного, регулируемые моралью и правом трудовые отношения.

Секс — спаривание у людей.

Брак — сексуальная связь.

Брак законный — брак, санкционированный моралью и правом.

Брак действительный — устойчивый брак разнополых людей.

Брачная группа — союз индивидов на основе удовлетворения сексуальной потребности.

¹ Язычество возникает при объединении племен в народ, когда богов становится много. Единая религия одного бога возникает как потребность цивилизации, которой нужны единые нормы для эффективного централизованного управления.

² Древнейшее значение латинского religa и древнерусского «релига» — «вервь», «связь», «связка».

³ Точнее и логически корректнее было бы «приобщение» — но уж таков наш очередной стереотип.

Семья — индивид или брачная группа, социализирующие своих детей.

Семья действительная — семья, социализирующая нормативное количество детей.

Семья недействительная — семья, не социализирующая нормативное количество детей или социализирующая ненормативное количество детей.

Хозяйство — обособленное внутри культуры общественное воспроизводство.

Обособленное общественное воспроизводство — хозяйствование собственника.

Собственность — обособленные средства общественного воспроизводства.

Собственник — субъект общественного воспроизводства.

Обособление средств общественного воспроизводства — труд предпринимателя.

Предприниматель — хозяин предприятия.

Предприятие — производственный процесс.

Производство — создание благ.

Труд непосредственный — техно-логичная работа-производство в лице предпринимателя.

Труд опосредованный (частный) — техно-логичная работа — производство в лице наемных работников.

Труд непосредственно общественный — техно-логичная работа-производство в лице общества.

Хозяйственный механизм — инструменты хозяйствования: система управления и производственная структура.

Производственная структура — элементы производства: техника, технологии, службы, НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы), которые оформляются в хозяйственные единицы: заводы, производства, цехи, отделы, управления и т. д.

Логика (Логос) — согласование идей (толкование понятий) «физики» («естественных наук») и «метафизики» (философии-богословия).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. Л., 1968.
2. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре / А. К. Байбурин СПб. : Наука. 1993.
3. Бауэр, Э. Теоретическая биология / Э. Бауэр. М. ; Л., 1935.
4. Бахофен, И. Я. Материнское право / И. Я. Бахофен. СПб., 1861.
5. Бердяев, Н. А. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. М., 1989.
6. Большая Советская Энциклопедия : в 30 т. Т. 8. М., 1972. 592 с.
7. Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азриэляна и др. М. : Ин-т новой экономики 1999.
8. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М. : Большая Рос. Энцикл. : Норинт, 1997. 1456 с.
9. Брушлинский, А. В. Культурно-историческая теория мышления / А. В. Брушлинский. М., 1968. С. 90.
10. Брушлинский, А. В. О наследственных предпосылках психического развития человека / А. В. Брушлинский // *Вопр. философии*. 1970. № 9. С. 158.
11. Булгаков, С. Н. Философия хозяйства / С. Н. Булгаков // *Русский гуманитарный интернет-университет, библиотека учебной и научной литературы*. URL: www.i-u.ru.
12. Бунак, В. В. Происхождение речи по данным антропологии / В. В. Бунак // *Происхождение человека и древнее расселение человечества*. М., 1951.
13. Бюхер, К. Работа и ритм / К. Бюхер. М., 1923. С. 200—261
14. Вагнер, В. А. Семья и общественность в мире животных / В. А. Вагнер // *Природа*. 1931. № 12.
15. Вейнерт, Г. Происхождение человечества / Г. Вейнерт. М., 1935. С. 301.
16. Вернадский, В. И. Биогеохимические очерки / В. И. Вернадский. М., 1940.
17. Войтонис, Н. Ю. Предыстория интеллекта / Н. Ю. Войтонис. М. ; Л., 1949. С. 198—199.)
18. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель. СПб., 1993,

19. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения / Г. В. Ф. Гегель. Т. V. М., 1937.
20. Гегель, Г. В. Ф. Философия духа / Г. В. Ф. Гегель // Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1977.
21. Гегель, Г. В. Ф. Философия религии / Г. В. Ф. Гегель. Т. 2. М., 1977.
22. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. Т. 1 / Г. В. Ф. Гегель. М. : Мысль, 1970.
23. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 3 / Г. В. Ф. Гегель. М. : Мысль, 1970.
24. Гельфанд, И. О тактиках управления сложными системами в связи с физиологией / И. Гельфанд, В. Гурфинкель, М. Цетлин // Биологические аспекты кибернетики. М., 1962.
25. Голод, С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ / С. И. Голод. СПб., 1998.
26. Горский, Д. П. Проблемы общей методологии наук и диалектической логики / Д. П. Горский. М., 1966.
27. Григорьян, Б. Т. Философия о сущности человека / Б. Т. Григорьян. М., 1973;
28. Давиташвили, Л. Ш. Теория полового отбора / Л. Ш. Давиташвили. М., 1961.
29. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. URL: <http://slovari.yandex.ru>.
30. Дроздов, А. В. Человек и общественные отношения / А. В. Дроздов. Л., 1966;
31. Дубинин, Н. П. Горизонты генетики / Н. П. Дубинин. М., 1970.
32. Дубинин, Н. П. Социальное и биологическое в современной проблеме человека / Н. П. Дубинин // Вопр. философии. 1972. № 3. С. 79—80.
33. Евангелие от Иоанна (Новый Завет). М., 1994.
34. Емельянов В. В. Ритуал в древней Месопотамии / В. В. Емельянов. СПб. : Азбука-классика : Петербургское Востоковедение, 2003.
35. Жизнь животных : в 6 т. Т. 2 / под ред. А. Э. Брэма. М. : Просвещение, 1968.
36. Забелин, И. М. Физическая география и наука будущего / И. М. Забелин. М., 1970. С. 45.
37. Завадский, К. М. Основные формы организации живого / К. М. Завадский // Современные проблемы эволюционной теории. Л., 1967. С. 186.
38. Зборовский, Г. Е. Общая социология : курс лекций / Г. Е. Зборовский. 2-е изд. Екатеринбург, 1999.
39. Золотарев, А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 56.

40. Ильенков, Э. В. Психика и мозг (ответ Д. И. Дубровскому) / Э. В. Ильенков // *Вопр. философии*. 1968. № 11. С. 149.
41. Каган, М. С. Человеческая деятельность / М. С. Каган. М., 1974.
42. Какабадзе, М. Человек как философская проблема / М. Какабадзе. Тбилиси, 1970.
43. Кант, И. Критика способности суждения / Кант И. // *Соч.* : в 6 т. М., 1966. Т. 5.
44. Карцева, Л. В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества / Л. В. Карцева // *Социол. исслед.* 2003. № 7. С. 99.
45. Коган, Л. Н. Вишневский. Ю. Р. Очерки теории социалистической культуры / Л. Н. Коган, Ю. Р. Вишневский. Свердловск, 1972.
46. Козлов, В. И. О понятии этнической общности / В. И. Козлов // *Совет. этнография*. 1967. № 2. С. 102—107.
47. Кононова, Е. П. Лобная область большого мозга / Е. П. Кононова. Л., 1962.
48. Кочеткова, В. И. Новые данные о макроструктуре мозга гоминид и их интерпретация / В. И. Кочеткова // *Вопр. антропологии*. 1970. Вып. 34.
49. Кремянский, В. И. Структурные уровни живой материи. М., 1969. С. 212.
50. Крживицкий, Л. Развитие общественности в среде животных и человека. М., 1925. С. 41.
51. Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм / В. И. Ленин // *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 18. М. : Изд-во полит. лит., 1968.
52. Ленин, В. И. *Полн. собр. соч.* / В. И. Ленин. 5-е изд. Т. 29. М. : Изд-во полит. лит., 1969. С. 301.
53. Ленин, В. И. *Полн. собр. соч.* / В. И. Ленин. Т. 15. М. : Изд-во полит. лит., 1972. С. 368.
54. Леонович, В. В. Общественное сознание как социальный фактор биологического становления и органического развития человека / В. В. Леонович // *Философ. и социол. исслед.* 1971. Вып. 12.
55. Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. М., 1965.
56. Логика научного исследования / ред. П. В. Копнин. М., 1965. С. 210.
57. Любутин, К. Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии / К. Н. Любутин. Свердловск, 1973.
58. Ляпунов, А. А. О рассмотрении биологии с позиций изучения живой природы как большой системы / А. А. Ляпунов // *Проблемы методологии системного исследования*. М., 1970.
59. Маркс, К. *Сочинения* / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 3. М. : Изд-во полит. лит., 1955.

60. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 13. М. : Изд-во полит. лит., 1959.
61. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 23. М. : Изд-во полит. лит., 1960.
62. Мацковский, М. С. Социология семьи / М. С. Мацковский. М., 1989.
63. Миллер, Дж. Индивидуум как система, перерабатывающая информацию / Дж. Миллер // Концепции информации и биологические системы. М., 1966.
64. Мокроносов, Г. В. Методологические проблемы исследования общественных отношений / Г. В. Мокроносов. Свердловск, 1972.
65. Морган, Л. Г. Древнее общество / Л. Г. Морган. СПб., 1877.
66. Мысливченко, А. Г. Человек как предмет философского познания / А. Г. Мысливченко. М., 1972;
67. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под общ. ред. Л. И. Скворцова. 25-е изд., испр. и доп. М. : Оникс : Мир и образование, 2006. 976 с.
68. Кругосвет : онлайн-энцикл. URL: krugosvet.ru.
69. Орлов, В. В. Материя, развитие, человек / В. В. Орлов. Пермь, 1974;
70. Осипов, Ю. М. Опыт философии хозяйства / Ю. М. Осипов. М. : Изд-во МГУ, 1990.
71. Основные методологические и организационные положения комплексного наблюдения условий жизни населения. М. : Статистика, 2011.
72. Павлов, И. П. Полн. собр. соч. / И. П. Павлов. 2-е изд. Т. 2, кн. 2. М. ; Л., 1951. С. 247.
73. Перфильев, М. Н. Общественные отношения. Методологические и социологические проблемы / М. Н. Перфильев. Л., 1974.
74. Першиц, А. И. Монгайт, А. П. Алексеев. В. П. История первобытного общества / А. И. Першиц, А. П. Монгайт, В. П. Алексеев. 2-е изд. М., 1974. С. 64—74.
75. Плотников, В. И. Социально-биологическая проблема (материалы спецкурса) / В. И. Плотников. Свердловск, 1975. 192 с.
76. Плотников, В. И. Соотношение социального и биологического как философская проблема : автореф. дис. ... д-ра философ. наук / В. И. Плотников. Свердловск, 1980. С. 9.
77. Плотников, Ю. К. О природе социальной формы движения / Ю. К. Плотников. М., 1971.
78. Поршневу, Б. Ф. Состояние пограничных проблем биологических и общественно-исторических наук / Б. Ф. Поршневу // Вопр. философии. 1962. № 5. С. 122—123.

79. Поршнева, Б. Ф. О начале человеческой истории / Б. Ф. Поршнева. М., 1974. С. 34.
80. Проблема человека в современной философии / ред. кол. И. Ф. Балакина, Б. Т. Григорьян, С. Ф. Одуев, Л. А. Шершенко. М., 1969.
81. Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1971.
82. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. 3-е изд. М., 2000.
83. Решетов, Ю. Г. Природа Земли и происхождение человека / Ю. Г. Решетов. М., 1966.
84. Рогинский, Я. Я. Проблемы антропогенеза / Я. Я. Рогинский. М., 1969.
85. Российская социологическая энциклопедия. М., 1998.
86. Рубинштейн, С. Л. Принципы и пути развития психологии / С. Л. Рубинштейн. М., 1959.
87. Рубинштейн, С. Л. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн // Проблемы общей психологии. М., 1973;
88. Сахаров, В. В. Организм и среда / В. В. Сахаров. М., 1968.
89. Северцов, А. Н. Эволюция и психика / А. Н. Северцов // Психол. журн. 1982. № 4. С. 149—159.
90. Семенов, Ю. И. Как возникло человечество / Ю. И. Семенов. М., 1966.
91. Семенов, Ю. И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки / Ю. И. Семенов // Вопр. истории. 1966. № 8. С. 94.
92. Семенов, Ю. И. Происхождение брака и семьи / Ю. И. Семенов. М., 1974. С. 80—110.
93. Сент-Дьердьи, А. Биоэнергетика / А. Сент-Дьердьи. М., 1960.
94. Сент-Дьердьи, А. Введение в субмолекулярную биологию / А. Сент-Дьердьи. М., 1964.
95. Сковрон, С. Развитие теории эволюции / С. Сковрон. Варшава, 1965. С. 394.
96. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер ; пер. с англ. В. Ядова. М., 1994.
97. Сорокин, П. А. Кризис современной семьи (социологический очерк) / П. А. Сорокин // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 18. 1997. № 3. С. 63—80.
98. Социальная энциклопедия / А. Горкин, Г. Карелова, Е. Катульский и др. М., 2000.
99. Социологический энциклопедический словарь / ред. Г. В. Осипов. М., 1998.

100. Теория речевой деятельности. М. : Наука, 1968. С. 52.
101. Тинберген, Н. Поведение животных / Н. Тинберген. М. : Мир, 1978. С. 141
102. Тих, Н. А. Предыстория общества / Н. А, Тих. Л., 1970. С. 281; 283; 290.
103. Толстов, С. П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен / С. П. Толстов // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1935. С. 9—10.
104. Толстов, С. П. Проблема родового общества / С. П. Толстов // Совет. этнография. 1931. № 3—4. С. 81.
105. Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. М., 1963.
106. Философский энциклопедический словарь. М. : Инфра-М, 1997. 576 с.
107. Фокин, Н. И. Экономика. В начале было слово / Н. И. Фокин. URL: <http://dictionary-economics.ru>.
108. Харчев, А. Г. Брак и семья в СССР / А. Г. Харчев. 2-е изд. М., 1979.
109. Харчев, А. Г. Нравственность и семья / А. Г. Харчев. М., 1991..
110. Харчев, А. Г. Исследования семьи: на пороге нового этапа // Социол. исслед. 1986. №3., с. 23-24
111. Хрустов, Г. Ф. Проблема человеческого начала / Г. Ф. Хрустов // Вопр. философии. 1968. № 6. С. 137—141.
112. Шварц, С. С. Современные проблемы эволюционной теории / С. С. Шварц // Вопр. философии. 1967. № 10. С. 141—145.
113. Шевченко, Ю. Г. Эволюция коры мозга приматов и человека / Ю. Г. Шевченко. М., 1971
114. Шмальгаузен, И. И. Факторы эволюции / И. И. Шмальгаузен/ / Биологические аспекты кибернетики. М., 1962.
115. Шмидт, Г. А. Проблема отбора в антропогенезе / Г. А. Шмидт // Учен. зап. Моск. ун-та. 1948. Вып. 115. С. 83—84.
116. Шовен, Р. От пчелы до гориллы / Р. Шовен. М., 1965. С. 272—290;
117. Щадилова, К. А. Проблемы и перспективы развития австрийской семьи / А, Щадилова // Социол. исслед. 1981. № 3. С. 161—167.
118. Щепанский, Я. Элементарные понятия социологии / Я. Щепанский. М., 1969.
119. Экономическая теория в работе П. Б. Струве «Хозяйство и цена». URL: <http://www.portalus.ru>.
120. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб. : Брокгауз — Ефрон, 1890—1907.

А. А. Тараданов

121. Эспинас, А. Социальная жизнь животных. Опыт сравнительной психологии / А. Эспинас. 3-е изд. М. : Либроком, 2012. 320 с.

122. Якимов, В. П. Австралопитековые / В. П. Якимов // Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., 1966.

123. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Т. 3. М., 1968.

Научное издание

ТАРАДАНОВ Александр Ардалионович

ЛОГИКА СОЦИАЛЬНОГО.

Опыт теоретической реконструкции антропосоциогенеза

Корректор *Е. С. Меньшенина*
Верстка *Е. С. Меньшениной*
Дизайн обложки *Т. В. Ростуновой*

Подписано в печать 09.06.18.

Формат 60×84 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 7,7. Уч.-изд. л. 6,0.

Тираж 500 экз. Заказ 276.

Цена договорная

Челябинский государственный университет
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Издательство Челябинского государственного университета
454021, Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 576